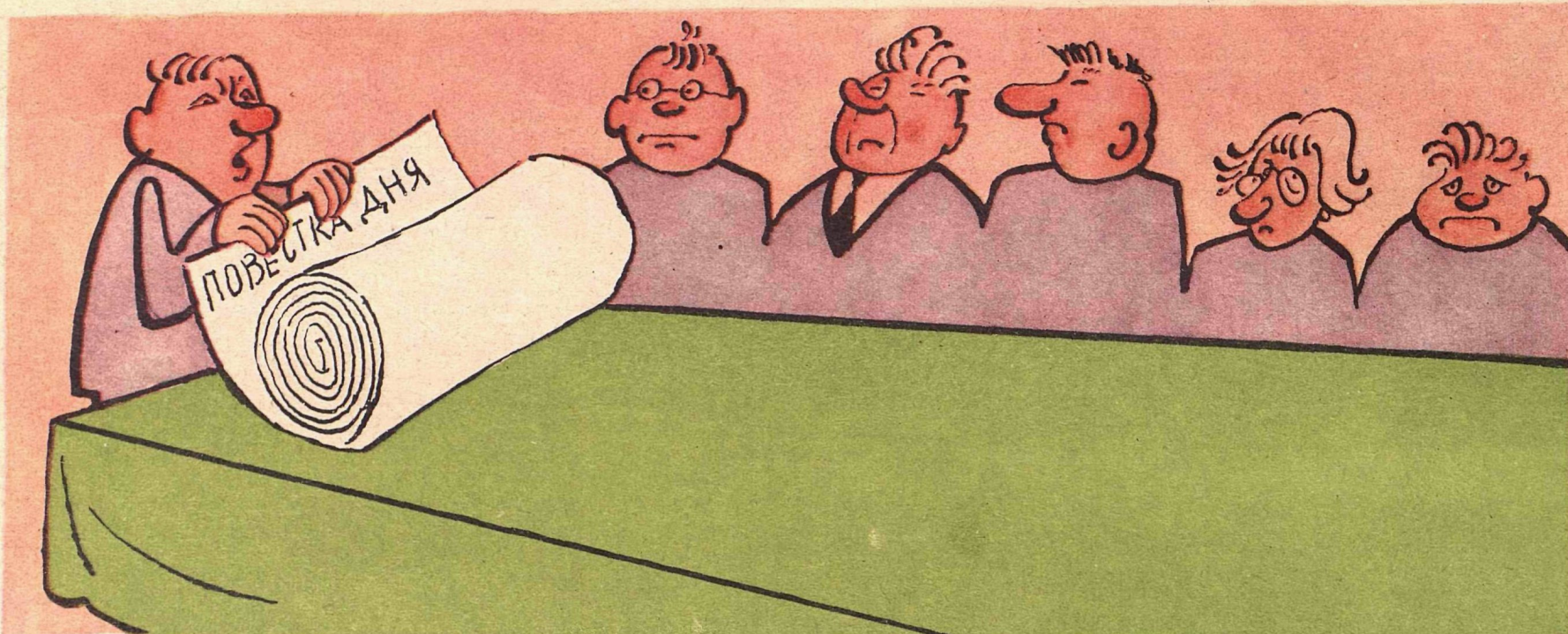

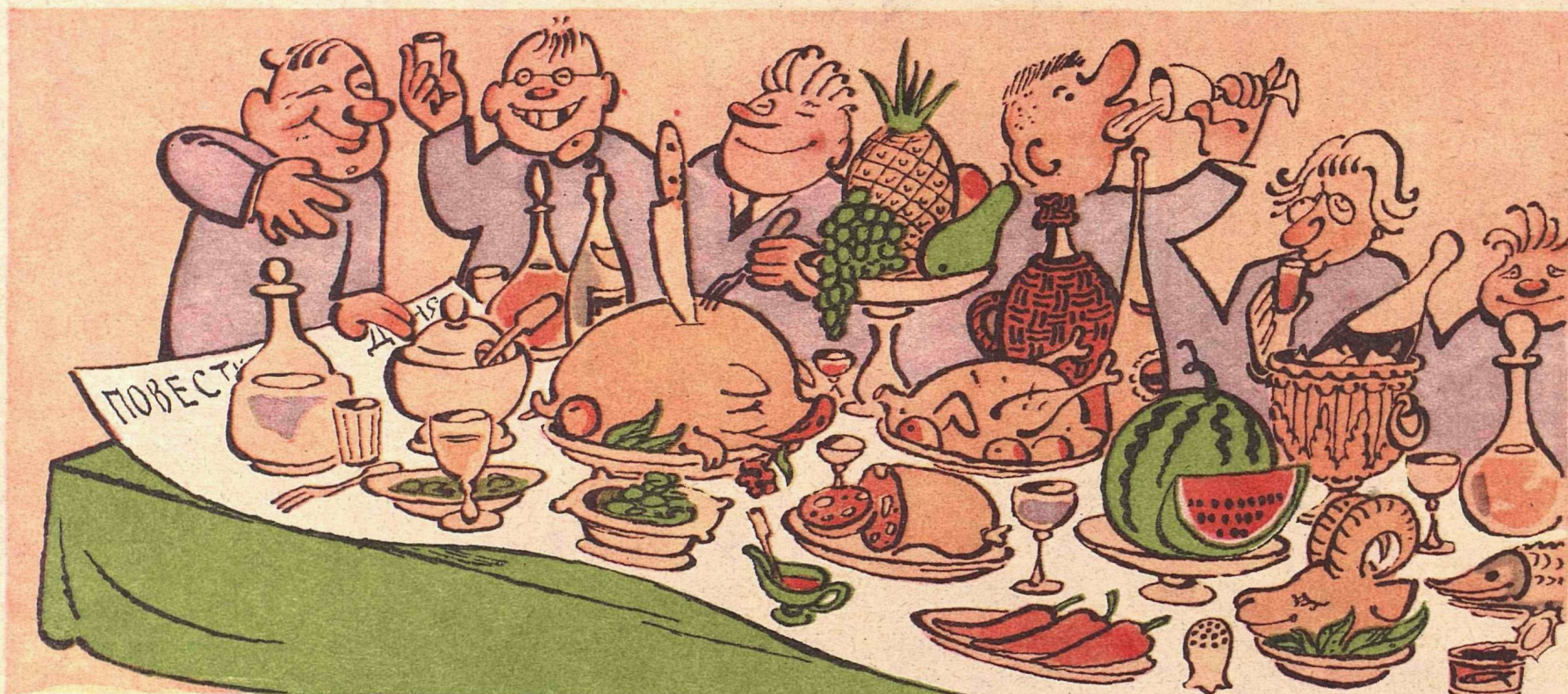

— Откуда бутылки?
— Из лесу, вестимо!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Повестка дня сегодняшнего заседания очень...

...насыщена!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Был спортивный зал построен,
Не велик, но и не мал.
Вот проходят четким строем
Те, кому подарен зал:
Пять боксеров,
Шесть штангистов,
Семь гимнастов,
а потом
Двадцать пять волейболистов,
И один метатель диска,
И один прыгун с шестом.

Жизнь отныне в зале стала
Небывалого накала!..
Но спортивный путь тернист —
И однажды с крыши зала
То ли штормом, то ли шквалом
Сорван был железный лист.
И спортсмены заскучали:
Как же тут не быть печали,
Если льет, как из ведра,
Если при плохой погоде
Под зонтом в трусах выходят

Мих. РАСКАТОВ

НЕСПОРТИВНЫЙ СЛУЧАЙ

Молодые физкультурники часто пишут в разные инстанции жалобы на то, что им не помогают: не дают средств для расчистки стадионов, не приводят в порядок спортплощадки и т. д. Между тем при желании физкультурники могли бы все это сделать сами.

Кандидаты в мастера:
Пять боксеров,
Шесть штангистов,
Семь гимнастов,
а потом
Двадцать пять волейболистов,
И один метатель диска,
И один прыгун с шестом.

Раздавался чей-то дискант,

Кто-то басом рокотал,
А метатель вместо диска
Даже молнии метал!
А штангист одним движеньем
Сбросил с плеч рекордный вес,
И на стенку с огорченья
Он на шведскую полез!

А завхоз сказал:
— Ребята,

Кто согласен подсобить?
Мне уже седьмой десяток,
Помогите лист прибить!

— Подсобим папаше в этом! —
Поддержал тяжеловес. —
Тиснем жалобы в газету,
В суд и в ВЦСПС!
Предложение поддержали,
Положеньё

описали
Пять боксеров,
Шесть штангистов,
Семь гимнастов...
и так дале.

...До сих пор ребята едят.
И, однако, до сих пор
Ни прыгун и ни боксер,
Ни метатель, ни штангист,
Ни один волейболист
Не подумал взлезть на крышу,
Чтоб прибить железный лист.

СКОЛЬКО БУДЕТ 2x2?

— Свидетель, сколько будет дважды два?
 — Пять, гражданин судья.
 — Позвольте, но на предварительном следствии вы утверждали, что четыре!
 — Изменил точку зрения, гражданин судья. Как говорится, все течет...

Пример абстрактный, неконкретный. Возьмем конкретнее. Когда гр. Сочивко Н. А. принял неосторожно размахивать топором, гр. Олейников В. А. вырвал топор у него из рук.

Вообще гр. Олейников был закадычным другом гр. Сочивко. Куда гр. Сочивко, туда и гр. Олейников. И, наоборот, куда гр. Олейников, туда и гр. Сочивко.

А куда они, собственно? Известно куда: в угловой магазин за «полбанкой».

— Друг мой, Колька,— говорил Олейников,— не надо Нинку убивать.

— Все одно убью,— отвечал друг Колька.— Она, с-стерва, меня не л-любит и не уважает...— И растерал грязной ладонью чистые слезы ревности.

— Опять сядешь, Коля,— прогнозировал Володька.

Олейников как в воду смотрел. Друг Колька вскоре сел. За покушение на убийство. А Володька следователю все без утайки и выложил. И про топор и про несчастную любовь...

Несчастливая любовь гр. Н. А. Сочивко следователя интересовала не слишком. В конце концов это сугубо личное дело—любит, не любит, плюнет, поцелует... Но кто давал Сочивко право бить людей по голове топором— вот в чем юридический вопрос.

Дискуссию о правах перенесли в суд. С вызовом свидетелей, среди которых В. А. Олейников был не последним лицом.

— Свидетель Олейников, что вы можете показать по данному делу?— спрашивает судья.

— А ничего,— скромничает свидетель.

— Позвольте, Олейников, но вы на предварительном следствии рассказывали, что Сочивко пытался применить топор,— недоумевает судья.

— Ну, говорил. Мало чего я могу сказать!— ухмыляется свидетель.

— Напоминаю вам, Олейников, что вы дали подписку об ответственности за дачу ложных показаний.

— Да ведь друг же он мне, Колька-то...

Здесь мы имеем дело с хрестоматийным случаем отказа от показаний, данных на предварительном следствии. В кабинете у следователя один на один с законом ничто не мешает такому Володьке подняться до вершин чистосердечия. Зато в суде— дело другое. Тут посторонних много, еще не дай бог подумают, что Володька Кольке плохой друг...

Несмотря на обнадеживающие успехи социологов во многих областях исследований, социально-психологические корни вранья в судебном процессе еще недостаточно изучены. Корни лежат где-то глубоко, а на поверхности пыльным махровым цветом расцвело лжесвидетельство.

— Свидетель Тамбовцева, на предварительном следствии вы показали, что подсудимый был пьян, нецензурно выражался, угрожал вас зарезать. Вам удалось вырвать нож и убежать. Так это было?

Свидетель Тамбовцева жалостливо сморкается, поправляет платок на голове, косит глазом на остриженного подсудимого и признается:

— Не.

— Что «не»?— нервничает судья.
 — Не было ножа.
 — А что было?
 — Ничего не было.
 — Значит, все, что вы говорили следователю,— неправда?
 — Ага,— сокрушается Тамбовцева и оглядывается.

Повальная жалость распирает зал судебного заседания. Свидетельница жалеет сиротеющих на глазах свояков и своячениц подсудимого, которые вчера приходили к ней просить «не погубить». Сваяки и свояченицы оплакивают несчастного хулигана.

Несчастный хулиган тоже жалеет. Он жалеет себя. Больно уж неохота надолго отправляться в места, не оборудованные для веселья. «Ах, только бы оправдали, ну и напьюсь же я нынче!»— думает бедный хулиган, сглатывая слюну. И из глаз подсудимого на пол Венгерского народного суда капает скупая мужская слеза.

В Новосибирске провели простейшее исследование. Арифметика помогла кое-что определить в области тонкой психологии участников судебного процесса. Из взятых наугад двадцати пяти осужденных за ложные показания тринадцать мужчин и двенадцать женщин. Как видите, более жалостливыми оказались представители сильного пола.

Среди них на первое место, несомненно, выходит Алексей Арсентьевич Карташев, человек средних лет и средней принципиальности.

Этому Карташеву один хулиган по фамилии Коротеев набил, извините, физиономию. Просто так, за здорово живешь. При этом Коротеев сперва ударил рукой, а потом, когда с помощью подоспевшей милиции его сажали в машину,— и ногой.

Получив сокрушительный удар каблуком, Алексей Карташев очень оскорбился. Он потребовал сатисфакции. Он счел своим гражданским долгом довести дело до конца и дать зарвавшемуся хулигану по его распутившимся конечностям.

И дал. В суде. Ложные показания.

— Нет, что вы,— мямлил борец за справедливость,— ничего такого не было. Просто поговорили с товарищем. Выясняли, так сказать, отношения.

— И что же вы выяснили?

— Выяснили, что Коротеев в общем-то парень свой. Были, правда, отдельные отрицательные моменты. Но он их своевременно искоренял.

Что верно, то верно. Отрицательные моменты Коротеев очень даже искоренял. Накануне суда он пришел к Карташеву домой, неся в руках отступное— бутылку сорокаградусной. Сатисфакция наступила, едва принципиальный обладатель гражданской совести вкусил зеленого змия...

Исследования, проведенные в Новосибирске, далеки от социологических высот и глубин, но та же арифметика дает пищу для ума. Больше половины свидетелей, давших ложные показания в суде, состояли в родстве с преступниками. На предварительном следствии эти родичи говорили правду, жалея себя. За время, прошедшее от следствия до суда— а время это, как известно, весьма длительно,— их взгляды на проблему наказания в корне изменились. («Жалко Ваську, ведь сядет».)

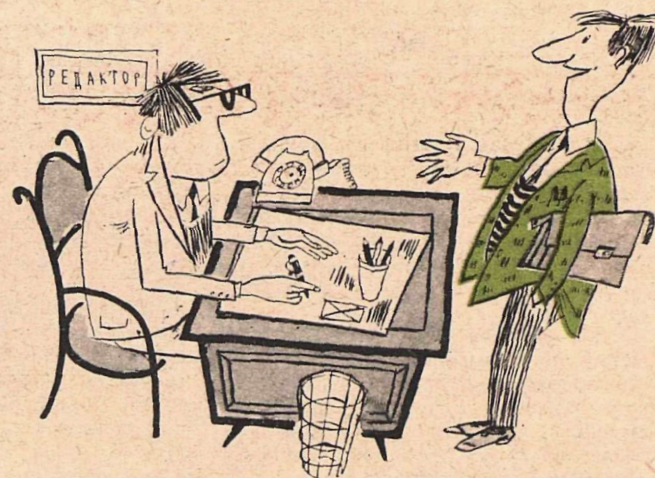
Те же свидетели, которые сами не были в родстве с подсудимым, подвергались столь мощной слезоточивой атаке, что не выдерживали натиска и позорно отступали с поля боя, принося в жертву и совесть и справедливость. При этом порой шло на заклятие даже само правосудие: в Куйбышевском народном суде злостного хулигана Мартыненко оправдали потому, что все трое свидетелей изменили свои показания.

Побудительные причины лжесвидетельства— жалость, страх перед угрозой, корысть, нежелание «связываться»— вскрыла простая арифметика. И пока что в судах время от времени раздаются:

— Дважды два?
 — Пять, гражданин судья.

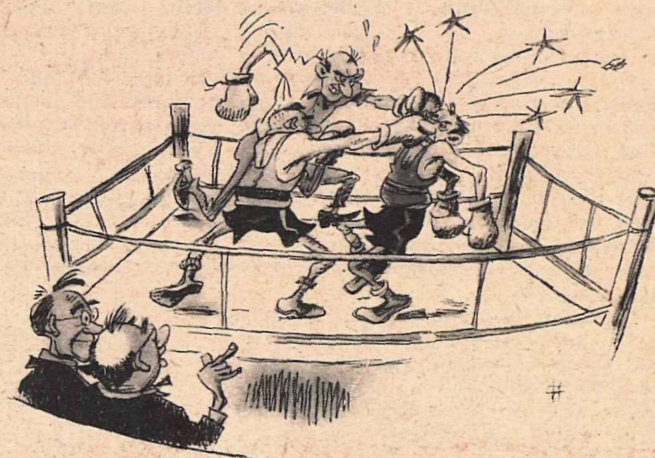
Ю. БОРИН,
 специальный корреспондент Кронодила

г. Новосибирск.

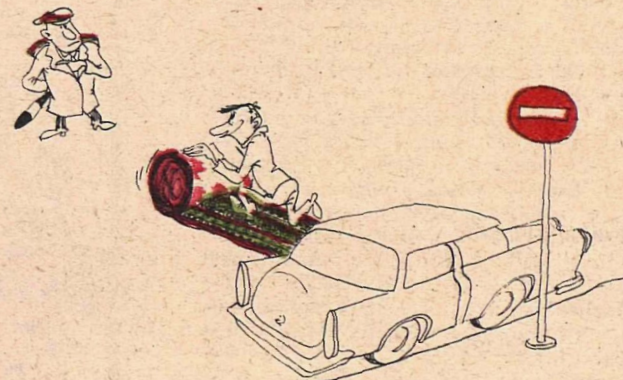
— Почему вы отказываетесь от командировки?
 — Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете?

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Мне кажется, судья несколько подыгрывает одному из боксеров...

Рисунок И. СЫЧЕВА

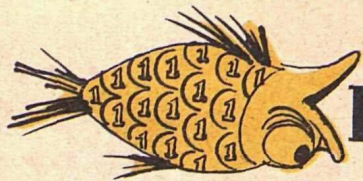
Предусмотрительность.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Как же потушить костер?
 — Очень просто: позвони ноль-один.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Куда рыбе жаловаться?

Все началось в рабочем порядке. Пасмурным будничным утром директор Сегежского целлюлозно-бумажного комбината Г. Г. Бойков и главный инженер М. А. Петронио отдали указание уничтожить ненужные предприятию побочные продукты производства.

Сама по себе идея особых возражений не вызвала. Правда, побочные продукты представляли собой некую товарную ценность. Но это не смущало ни Бойкова, ни Петронио. Люди солидные, они за мелочной экономией не гонялись.

Последовал приказ: сульфатное мыло вывезти в лес, на специально отведенную свалку, а метиловый спирт сжечь.

Вывозили автотранспортом. Залили в баки бензин, заправились автолом. Шоферам были выписаны путевые листы. В них пунктуально указывалась величина груза и расстояние в километрах. Рейс в одну сторону составил около трех километров.

А дальше заместитель главного инженера по технике безопасности Максимов, начальник отдела сбыта Сергеев, председатель цехкома Шемякин, командир охраны Толстых и зав. складом спирта Балашова составили акт. Пять должностных лиц документально заверили, что они собственными глазами видели уничтожение спирта путем сжигания.

Шустрый читатель, не торопитесь с догадками. Нет, спирт не распили. Акт подписали люди грамотные, знавшие, что метиловый спирт — сильнейший яд. Ничтожная доза его, попав в организм, неотвратимо влечет к вечному покою. Да и сульфатное мыло тоже не прибавляет здоровья.

Так были стерты с лица земли ядовитые побочные продукты. Документы об этом улеглись в папки. Списаны тысячи рублей государственных средств. И дело кануло в вечность. Бойков и Петронио продолжали бороться за повышение производительности и общее процветание.

Прошло два месяца. И вдруг грянул гром.

В районе деревни Майгуба на поверхности огромного озера Выг появилась масса дохлой рыбы. Прохладная озерная вода приобрела столь отвратительный вкус, что ее не могли глотать даже всеядные свиньи.

Районный госинспектор рыбоохраны И. Т. Мартынов, пригласив представителей милиции и санэпидстанции, немедленно бросился на место происшествия.

Над водой металась стая чаек и ворон, всюду виднелись всплывшие лещи, судаки, щуки, окуни. Вода была покрыта жировой пленкой. Волны вместе с тошнотворным запахом приобрели ядовитый желто-зеленый колер.

Вскоре в Надвоицкую районную больницу стали приходить десятки окрестных жителей со сведениями от боли животами. Все они пили испорченную воду. Пили потому, что другой не было.

Северная часть озера превратилась в «мертвую зону».

Государственный рыбинспектор Мартынов не был Шерлоком Холмсом. Впрочем, и надобности в том не было. Даже беглый осмотр местности раскрыл причину бедствия.

Оказалось, что сульфатное мыло не возили в лес, а запросто слили в люк старой канализации, ведущей прямо в озеро. Не сжигали и метиловый спирт, его слили туда же. Люк стока расположен в 300 метрах от корпуса комбината, на его территории.

«А как же акт? — спросит читатель. — Как же бензин, путевки, тонно-километры?»

Ничего этого, граждане, не было. Вся документация оказалась неуклюжей липой, составленной только для отвода глаз.

Над Бойковым, Петронио, Максимовым и соучастниками нависла явная угроза. Закон об охране природы на Карелию распространяется полной мерой, придется отвечать.

На первых порах казалось, что и в Карелии закон есть закон. Работники районной прокуратуры энергично взялись за дело и вели его до тех пор, пока...

...Пока им не было приказано передать дело в республиканскую прокуратуру.

— Не надо вам этим заниматься, — объяснили свое решение прокуроры из Петрозаводска. — Слишком уж вы возбуждены, а в нашем деле беспристрастность и спокойствие превыше всего.

Старший следователь прокуратуры Карельской республики В. Сорокин действительно не страдал от избытка темперамента. Без спешки и суеты он отложил в сторонку и фиктивные акты на сжигание, и липовые путевки на вывоз, и справки о том, что из комбинатовской казны только на оплату шоферов (которые, напомним,

пальцем о палец не ударили) ушло 956 полновесных рубликов.

Теперь дело выглядело проще. И следователь Сорокин, не колеблясь, решил никого к ответственности не привлекать, поскольку «материальных выгод для себя они не имели». И, наконец, главный аргумент: комбинат, мол, все равно ежедневно сбрасывает в озеро до 250 тысяч кубометров необезвреженных, неочищенных промышленных вод. Чуть больше, чуть меньше — какая разница! В результате уголовное дело было прекращено, а материалы следствия отправлены... Бойкову. Для общественного воздействия на самого себя.

И прокурор Карельской АССР и сотрудники обкома партии к выводам следователя отнеслись с полным пониманием. Да вот беда: эксперты подняли шум. А их на озере Выг побывало предостаточно. И в одиночку и представительными комиссиями.

Одни утверждали, что сброс сточных вод Сегежского комбината в один из наиболее ценных водоемов является прямым нарушением законов.

Другая авторитетная комиссия в составе республиканского судебно-медицинского эксперта, заслуженного врача РСФСР и КАССР Норейко, главного санитарного врача республики Васина, зав. кафедрой Петрозаводского госуниверситета Смолянского,

зав. курсом судебной медицины университета Файна и эксперта судебно-химика Венто подтверждала:

«Массированный сброс сульфатного мыла и метанола в течение короткого времени сделал воду озера Выг (в районах Майгуба и Лейгуба, пристань Надвоицы) совершенно непригодной для питья. Это привело к ухудшению бытовых условий жизни населения и создало угрозу для здоровья людей».

Третьи подсчитали, что рыбы отравлено на 248 тысяч рублей. В Сегежском комитете народного контроля пришли к заключению, что эта цифра сильно занижена. Количество погибшей рыбы превышает четырехлетнюю фактическую добычу рыбы со всего озера Выг.

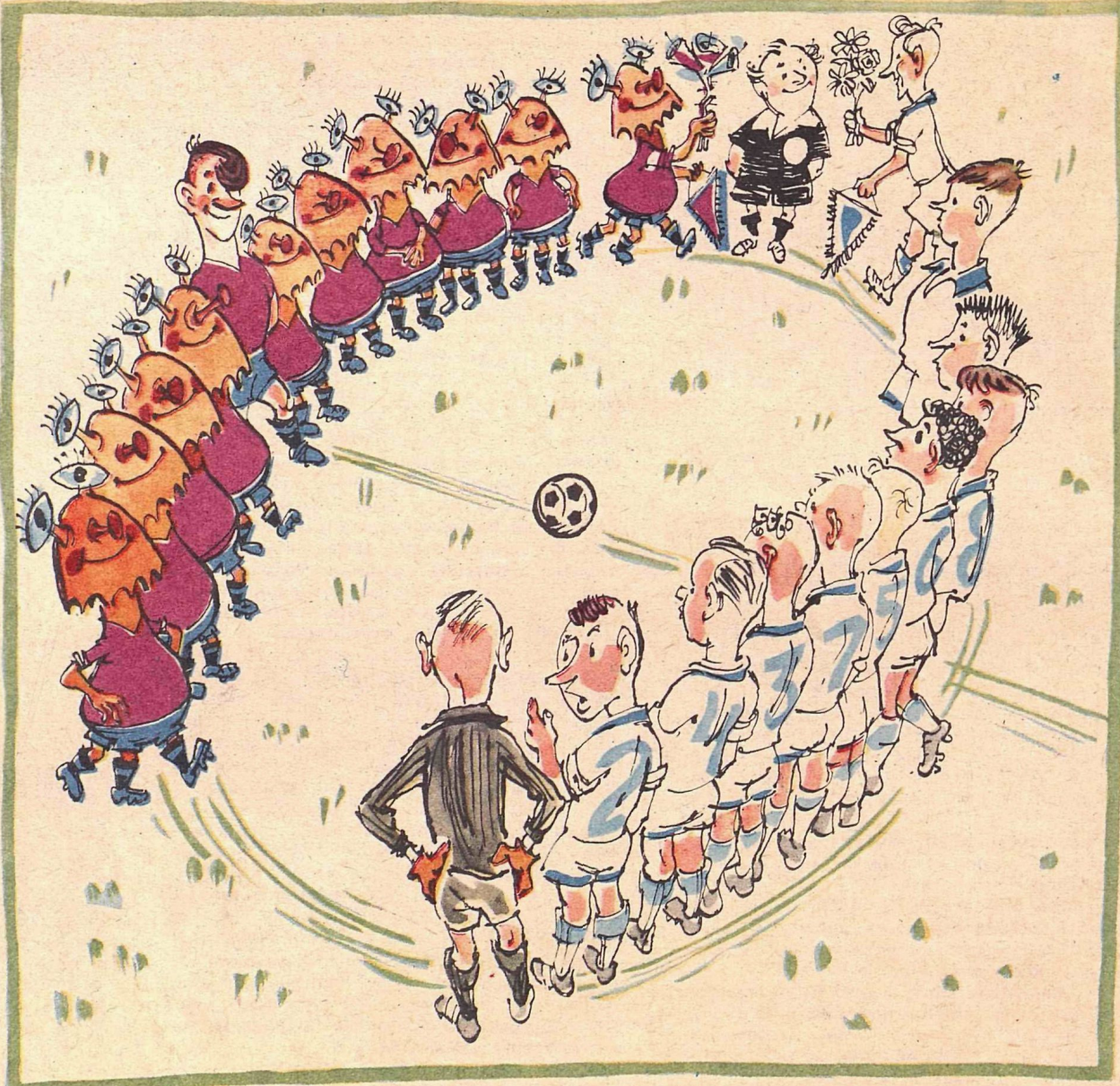
Пришлось улаживать возмущенную общественность. Бойкову и Петронио на всякий случай дали по выговору. Смотрите, дескать, люди, мы прореагировали, не оставили без внимания.

А тем временем в озеро по-прежнему стекают яды.

Что поделаешь, рыба — тварь безгласная. А заступиться за нее вроде некому.

Вс. ВАСИЛЬЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Карельская АССР.

— Смотри-ка! Шустриков уже играет за марсиан!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ТАМ ВСЕ НАПИСАНО

Наталья ИЛЬИНА

Рассказ моей знакомой

Мне очень нравятся эти надписи, появившиеся в магазинах: «Добро пожаловать!» и «Спасибо за покупку!». Бывает, что плакат с любезной надписью красуется как раз над головой нелюбезного продавца, но стоит покупателю поднять глаза и прочитать: «Благодарим за покупку!» — как он будет утешен. Добрые слова поддерживают в покупателе чувство собственного достоинства и вызваны, следовательно, заботой о его моральном состоянии.

Возросли заботы и о бытовых удобствах граждан. Появились всякие полезные новинки: сумки-холодильники и термосы с широким горлом, портативные жаровни и таблетки «Огонек» для разведения костра и какие-то новые средства от комаров. Я читаю обо всем этом в рекламных заметках, и душа моя радуется...

Радуется она не бескорыстно. Дело в том, что лето мне придется провести с внуком Сережей на даче, так как родители Сережи, моя дочь с мужем, отправились в туристский поход.

Чтобы сделать свое существование на даче более или менее сносным, я решила приобрести два предмета: портативную газовую плитку (дача на сей раз попала без газа) и сумку-холодильник.

За покупками я отправилась утром в пятницу, а в два часа этого же дня рассчитывала уехать на дачу.

В магазине «Сантехника» на Кутузовском проспекте я отыскала прилавок, где продавались портативные плитки, и спросила продавца, как с ними обращаться. Продавец был человеком пожилым, с сумрачным лицом. Он ответил: «Там инструкция». К плитке полагались два баллона, остальные надо было купить отдельно. Сколько купить, чтобы хватило недели на две? «Там написано». Несловоохотливость продавца меня несколько угнетала. Пришлось действовать на свой страх и риск, и я попросила завернуть четыре баллона.

Пакет оказался тяжелым, но подвернулось такси. В хозяйственном магазине на Смоленской площади не было никакой очереди за сумками-холодильниками, что меня удивило и обрадовало. Сумки обтянуты элегантно клетчатой материей, приятны на вид, и мне стало весело при мысли, что я привезу Сереже свежие продукты, а не раскисшее масло и позеленевшую от жары колбасу, которые я когда-то возила дочери в первобытных авоськах... Продавщица была молоденькая, но тоже очень несловоохотливая. Как пользоваться сумкой? «Там написано». Я надела очки и прочтала: «Завод Метхоз-изделий № 6. Для сохранения продуктов охлажденными в сумку-холодильник необходимо заложить около

одного килограмма льда. Лед помещать в полиэтиленовый мешочек». Я спросила, где покупают лед. Мне ответили: «В любой аптеке».

В два я собиралась ехать на дачу. Но было уже четыре часа, а я все еще находилась в том же такси, рядом с тем же шофером. К этому времени мы с ним объездили центр, побывали в Филях, на Юго-Западе и в Черемушках. В большинстве аптек льда не было. В некоторых был, но продавали его только для больных. Поскольку мы с шофером не расставались с утра, то как-то сблизились, подружились, и я уже знала, как зовут его девушку, где она работает, когда они думают пожениться, и шофер уже звал меня «мамаша». Он вообще был премиальным молодым человеком, хотя и несколько фамильярным в обращении. Помню, когда я вышла из одиннадцатой аптеки и села в машину, на глаза у меня навернулись слезы, то ли от цифры на счетчике, то ли от обиды на продавщицу, сказавшую: «В любой аптеке!» Шофер погладил меня по плечу: «Не переживайте, мамаша. Сами-то вы хороши. Девчонка ляпнула, а вы и поверили!» «Она не должна «ляпать». Она на работе! Она обязана отвечать за свои слова!» «Э-э, мало ли кто что обязан. Давайте-ка двинем по мороженщикам!».

Действовала я так. Подкрavшись к мороженщице, я, как дьявол-искуситель, шепотом называла ей в ухо сумму, которую готова заплатить за килограмм искусственного льда. Одни мороженщицы клялись, что они бы и рады, но льда дают в обрез. Другие сухо говорили: «Льдом не торгуем. Идите, гражданка, идите!» Я не думала о том, как это случилось, что меня, честного человека, превратили на старости лет во взяточника, толкающего ближнего на кражу. Я как-то одеревенела. Кусок льда для этой проклятой сумки стал моей навязчивой идеей.

Тогда я начала бесстыдно лгать, что лед необходим моему больному мужу. Потом этого мне показалось мало, и я добавляла: «И ребенку!» Лгать в аптеках мне казалось недостойным, а тут я уже была готова на все и так вошла в роль, что перед одной мороженщицей всплакнула вполне искренне. Она и направила меня на Арбат, в кафе-мороженое.

Там меня встретили очень ласково. Добры были все: и администраторша, и подавальщицы, и посетители. Я ослабела от этого сочувствия, лгать была не в силах и откровенно поведала все как есть. Посетители перестали есть мороженое, кухонный персонал толпился в дверях. Слышались возгласы: «Пятнадцать рублей за сумку отдала, надо же!», «А на машине сколько проездила!», «Это по-

— Не считайте меня самодуром, но моя левая нога хочет, чтобы оба ботинка были одинаковыми.

Рисунок С. СПАССКОГО

думать: сумки выпускают, а где лед купить, не говорят!», «Помнишь? Сифоны для газировки продавали, а баллончиков к ним не было?», «Вот дела!» Причина этого общего сочувствия мне стала окончательно понятна, когда я, выходя, кинула на себя взгляд в зеркало. Вместо подтянутой, молодой пожилой дамы я увидела старуху с безумными глазами, растрепанную, в сбитой набок шляпке... Элегантная, клетчатая, трижды проклятая сумка-холодильник, которую я прижимала к груди, придавала моей наружности что-то патетическое. По моему, на меня нельзя было смотреть без слез, и мой вид мог бы тронуть и камень.

Верю, что мне искренне хотели дать лед, но не могли: у самих было в обрез. Но дали советы. Надо было ехать на Хорошевку, кинуться в ноги директору завода искусственного льда: вдруг даст килограммчик? Я не глядела на счетчик. Я готова была кидаться куда угодно. Но милый шофер не мог: его рабочий день кончался. Он согласен был отвезти меня в «Гастроном № 2», а затем доставить домой в Лихов переулок.

В этом «Гастрономе», как мне сообщили в том же кафе, можно было без лжи, унижений и взяток, законно приобрести кусок льда весом в три килограмма, меньше не продавали. С трудом я упиала этот кусок в полиэтиленовый мешочек. Продукты уже почти не влезали. Лишь два три пакетика мне удалось уложить да втиснуть баночку со сметаной. Остальное везла в авоське.

Не буду описывать, как я добралась до дачи: был одиннадцатый час, и Сережа давно спал. Не буду рассказывать и о том, как утром я обнаружилась, что кусок льда растаял почти полностью и мои пакеты плавали в воде. Короче, утром, поручив Сережу заботам хозяйки, я вновь ехала в Москву.

Дело в том, что портативная газовая плитка гореть отказывалась. Я возилась с ней полночи, легла спать без чая, а утром попросила помощи

у мужа хозяйки. Он с утра был почему-то навеселе и с отчаянной смелостью, присущей людям в этом состоянии, стал подносить горящую спичку ко всем баллонам по очереди. Они шипели, как встревоженные змеи, но взрыва не было. Огня тоже.

Пожилый продавец в магазине «Сантехника» усмехнулся, выслушав меня: «А вы их зарядили?» «Но вы мне не сказали, что их надо зарядить!» «Вы же не спросили!» Его поддержала бойкая блондинка, тоже работница магазина: «Вас много, а он один. Неужели каждому объяснять? Своей головой думать надо!»

Чтобы утешиться, я стала вспоминать любезные плакаты: «Добро пожаловать!» и «Благодарим за покупку!». Но они меня не утешили. Я даже вот что подумала: если продавцам так трудно произносить лишние, с их точки зрения, слова, то куда полезнее было бы заменить эти плакаты другими! В отделе плиток письменно указали, что баллоны продаются пустыми и нуждаются в зарядке. А там, где торгуют сумками-холодильниками, указать, где можно купить лед.

Вот какие мысли бродили в моей измученной голове, пока я меняла баллоны, а затем сидела в электричке. Было очень жарко. «Нет никаких забот, чепуха!» — бормотала я. Но потом поняла, что не права. Заботы есть, забот много, но только все они не о покупателе, а о чем-то ином... Завод озабочен тем, чтобы выполнить план по выпуску изделий. Магазин — план по продаже. Ну-с, а что там дальше будет происходить с выпущенным и проданным, — это уж чья-то другая забота. Видимо, самого покупателя.

Что же касается этих любезных плакатов, этих благодарностей за покупку, то и они, мне думалось, вызваны заботой не столько о покупателе, сколько о продавце. Плакаты облегчают труд продавца. Дескать, все вежливые слова там уже написаны — и можно их не произносить.

Дорогой Крокодил!

Когда два года назад мы приехали строить Большой Ульяновск, встретили нас тепло. Произнесли трогательные речи, расцеловали и предоставили новые, благоустроенные общежития.

А утром, когда мы проснулись, то обнаружили, что исчезла вода и отключены радиаторы. Тепло от вчерашней встречи улетучилось, ибо на дворе стоял лютый декабрь.

— А зачем вам умыться, когда баня рядом! — сказали коменданты. — Добежал, умылся, зубы почистил — и назад!

Баня оказалась в полутора километрах. Умыться и почистить зубы могли сильнее. Но и им не под силу было ждать, ибо очередь не убывала до закрытия бани.

На другой день (месяц, год) все опять повторилось сначала. Дорогой Крокодил, мы не хлюпки и

Так и живем...

не маменькины сынки (дочки) и не боимся трудностей. Но ведь все это не трудности, а наплевательское отношение к молодым специалистам и непроходимая черствость! Идут годы, а на жалобы наши никто внимания не обращает: дескать, молодые, притерпят. Разве, говорят, на одной воде свет клином сошелся! Идите в красный уголок, ленточку послушайте, телевизор посмотрите, отдохните.

Но и в красном уголке побеждают сильнее, ибо вмещает он

около пятидесяти человек, а в каждом общежитии по 450—500 молодых строителей.

Правда, есть одно счастливое обстоятельство, которое отвлекает нас от этих неприятностей, — это ежедневные прогулки по студенческой воде, что обильно разлилась вокруг общежитий. Как приятно освежает она и бодрит, когда выходишь на работу (идешь с работы)!

Для полного счастья неплохо бы добираться до работы на живопис-

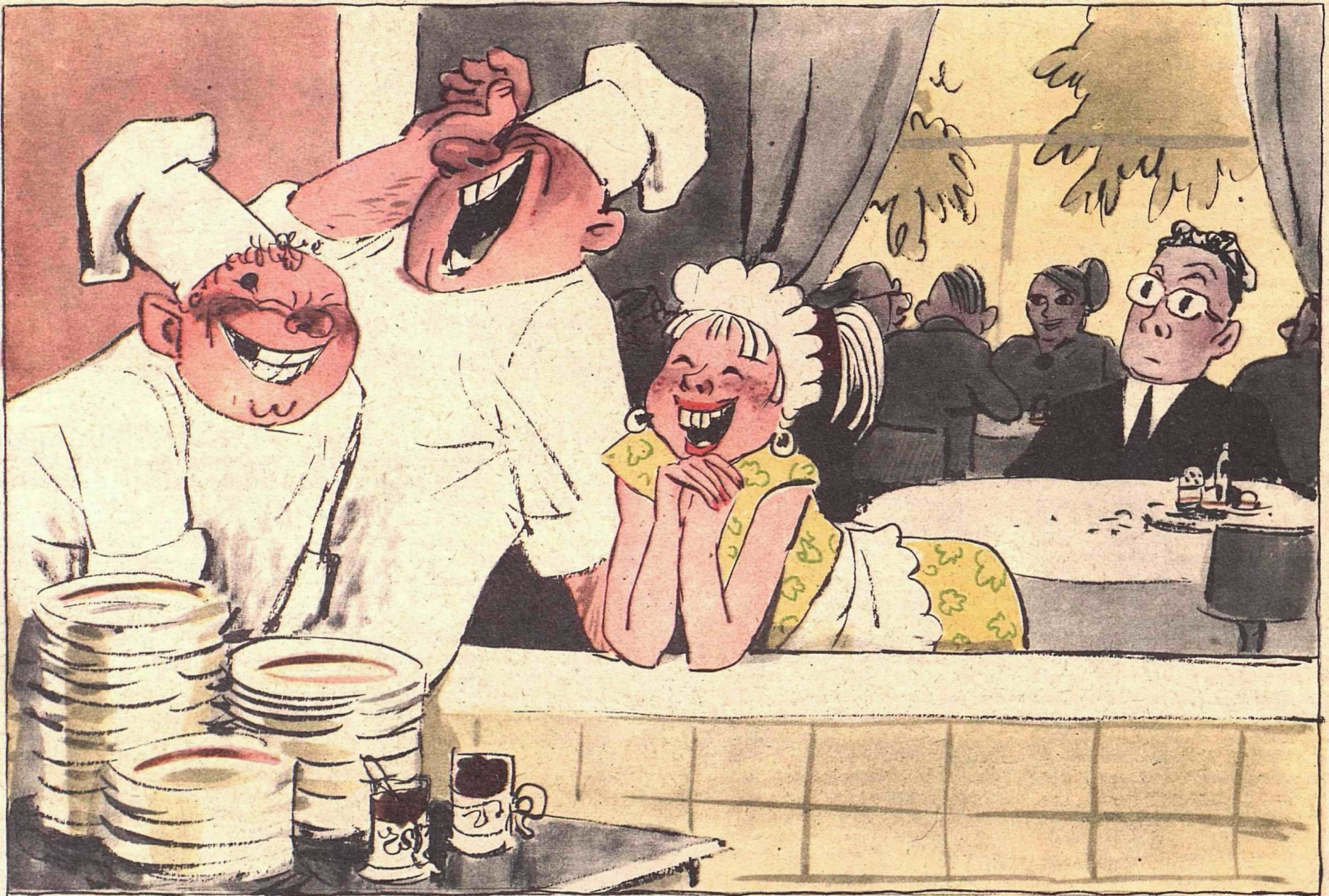
ных гондолах. Однако в спортивных магазинах гондолы пока не продаются. Поэтому в ожидании лучших времен мы проводим свое свободное время в общежитиях. Выехать в центр города или хотя бы на берег Волги нельзя из-за отсутствия, как мы уже сказали, гондол и гондольеров.

Некоторые люди (наверняка лишённые романтики!) обращаются в инстанции с просьбой поднять тротуары и сделать стоны для воды. Ответ таким сухарям один: строительство вашего микрорайона закончено еще в 1965 году. Все сделано. Все учтено.

Так вот и живем.

Члены бытовых советов
28, 30, 32-го общежитий
«Главульяновскстроя»:
КОЛТУНОВА, СОЛДАТОВА, БА-
КЕЕВ и др. (всего 15 подписей)

г. Ульяновск.

— Он попросил окрошку!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

А. РАСКИН

КАРУСЕЛЬ

Ейский завод «Аттракцион» вот уже два года не отгружает районному парку в рабочем поселке Поспелиха (Алтайский край) карусель из-за ее «малого веса и незначительного габарита».

В министерстве посмотрели И сказали: «В самом деле, Отчего ж это в Поспелихе Нету даже карусели?»

Телеграммы полетели: «Ейск, завод аттракциозделий». На заводе поглядели, Выбрали из всех изделий Лучшую из каруселей.

И послать бы в срок успели, Но беда: для этой цели Мало веса в карусели!

Телеграммы полетели: «Полвагона не при деле Из-за вашей карусели!

Если б, кроме карусели, Были вам нужны качели, Бегемоты и газели, Карамели и гантели,—

Вот тогда бы мы сумели Отгрузить вам карусели». Так, в бумажной канители Зря три года пролетели...

Неужели в самом деле «Погорели» карусели?

Великий секрет

— Такси, такси! Мне бы на юго-западный.

— А я на заправку.

— Такси, такси! Хотя на северо-восточный. А потом...

Всканиваю в машину и благополучно добираться до ателье.

Свой черный элегантный костюм узнаю издавна.

— Пуговички принесли? — неожиданно спрашивает закройщик.

— Как, еще пуговички? Времени нет. Заворачивайте. Обойдусь.

— Как обойдусь?! — изумляется закройщик и откуда-то приносит самые модные пуговички.

Всканиваю из ателье — и прямо в будочку чистильщица обуви.

Чистильщик лениво перебирает банки с кремом. Я нетерпелив:

— Давай, давай. Пусть кое-как.

— Почему кое-как? Кое-как нельзя, — оскорбляется он и за секунду наводит ослепительный блеск.

Тут меня осеняет. Такси, портной, чистильщик — всюду стоило сказать одно, как делалось другое, и наоборот. Кажется, я проник в великий секрет обслуживания... Решаю немедленно проверить догадку. Заворачиваю в магазин.

— Любезный, — говорю мяснику, — организуй килограммчик. Конечно, из костей. Мой Полкан обожает кости.

Мясник оторопело взвешивает филе без единой косточки.

В ресторане официанты минут десять обходили мой столик. Наконец один подал меню.

— Как у вас хорошо, — сказал я. — Тихо, спокойно. Никто не спешит. Дай, думаю, пойду в ресторан, подремлю, почитаю. Не торопитесь, голубчик...

Через мгновение на столе стояло первое, второе, третье.

— Это пятно, — я показал приемщицу в химичке на жирный подтек в центре плаща, — мне очень дорого как воспоминание. Прошу его сохранить.

Вернули мне плащ безукоризненно чистым.

В цветочном магазине я обнагдел:

— Я хочу подарить невесте букет верблюжьих колючек пополам с репейником! — И вышел с пыльным букетом роз.

Законы великого секрета оставались в силе.

Э. МЕДВЕДКИН

«Ленинская смена»,
г. Алма-Ата.

В целях дальнейшего улучшения...

За последнее время среди меня проведено множество исследований.

Сначала мною заинтересовался общественный транспорт. Вхожу в трамвай. У дверей не останавливаюсь. Произвожу правильный отрыв билета. И вдруг слышу:

— Гражданин в черных очках, куда вы едете?

Я вздрагиваю и вижу пожилую интеллигентную тетю в белых очках.

— А почему, собственно, вы заинтересовались?

— Мы проводим опрос в целях дальнейшего улучшения...

Потом некоторые мои привычки стали объектом внимания шофера такси. Стою у мостовой с поднятой рукой — и не верю своим глазам: первая же машина с шашечками останавливается у ног моих. Сажусь рядом с «шефом».

— Куда едете? — достает он из заднего кармана блокнот.

— На вокзал.

— Зачем? — включает он шариковую ручку.

— Встречать.

— Кого? — начинает он делать записи.

— Тещу.

— Как часто вы пользуетесь такси?

— Когда нет времени, но есть деньги. А в чем дело?

— Мы проводим опрос в целях дальнейшего улучшения...

Затем мною вплотную заинтересовался театр. Вхожу в зрительный зал. На кресле меня уже поджидает анкета. Разворачиваю — вопросы. Какая моя национальность? Сколько классов я окончил? Случайно я пришел на спектакль или специально? Друг я театру или просто прохожий? 22 вопроса. И такая строка: «Дорогой товарищ, пришли анкету по почте на имя дирекции, которая в целях дальнейшего улучшения...»

А недавно поздно вечером у меня зазвонил телефон. Я уже активно готовился ко сну, но все же снял трубку.

— Извините, вы регулярно смотрите телевизионную программу «Время»? — прошепел женский голосок.

— Простите, девушка, вы, вероятно, набрали не тот номер.

— Тот, тот, — уверенно ответил голос. — Мы проводим опрос зрителей по телефону в целях дальнейшего улучшения... Какая передача вам больше всего запомнилась? Устраивает ли вас время передачи «Время»? Хватает ли вам информации? Что бы вы хотели предложить в целях дальнейшего улучшения...

А потом мне как-то случайно удалось купить в киоске один популярный еженедельник. Ну, думаю, сейчас прочитаю про дельфинов или про чекистов. Разворачиваю — 100 (сто!) вопросов читателю в целях дальнейшего улучшения...

Все, думаю, хватит! Поеду в город Пермь, где живет моя бабушка. Навещу старушку. Вырвусь из столичных тисков социологической эпидемии.

Вот и Пермь. Выхожу в город, легко вздыхаю и направляюсь в первую же попавшуюся столовую — столовую пермских железнодорожников. Вхожу на пищеобъект и...

Сейчас я уже полностью оправился от потрясения. В скором времени врачи обещают закрыть мой больничный лист. Но анкету пермской столовой я храню, как хранит человек извлеченный из его тела тяжелый осколок от фугаса. Анкета выполнена типографским способом:

«Товарищи рабочие, служащие, студенты и преподаватели! С целью лучшего изучения Ваших запросов и пожеланий наша столовая совместно с профкомом и месткомом проводит заочную потребительскую конференцию по анкетным вопросам. Ответы просим давать объективно.

1. Как часто Вы посещаете нашу столовую?

2. Какие блюда, гарниры Вам нравятся и какие блюда желают лучшего приготовления?

3. Устраивает ли Вас ассортимент выпускаемых столовой блюд? Что бы Вы хотели дополнительно и чаще иметь в нашем меню?

4. Достаточно ли Вам времени на прием пищи? Что бы могли предложить по этому вопросу конкретно? Укажите место работы, номер телефона.

5. Удовлетворяют ли Вас наши формы обслуживания? Какие новые формы Вы можете предложить?

6. Что Вы можете предложить по вопросу культуры обслуживания?

7. Что бы Вы могли пожелать по вопросу введения абонементных и комплексных обедов с предварительной оплатой на 1—2—3 недели, месяц?

8. Что Вы можете предложить помимо заданных вопросов?

Ваши ответы просим опускать в ящик, который находится рядом с кассой».

Налицо, уважаемые граждане, цепная неконтролируемая реакция социологической самостоятельности. Опросы и исследования производят нынче все, кому не лень. Вот и тетка Матрена, лифтерша наша, занялась на днях распространением среди жильцов созданной ею самолично анкеты: «Стоит ли лифту вообще работать или не надо? Правильно ли платят лифтерам зарплату или неправильно? На какой этаж вы предпочитаете подниматься? Сидеть лифтеру у лифта или лучше ему хлопотать по хозяйству дома? Опрос провожу в целях дальнейшего...»

Я знаю, как звонить о пожаре; знаю, как спастись от укуса ядовитой змеи гюрзы; знаю, как уберечь себя и своих родных от плохого фильма. Я пережил три бомбежки, две засухи, два повышения цен на легковые автомобили, имею два седых волоса и медаль «За спасение утопающих». А вот как вырваться из железных тисков всеохватывающих опросов — не знаю...

Впрочем... не провести ли мне на эту тему опрос социологов?

Вит. РЕЗНИКОВ

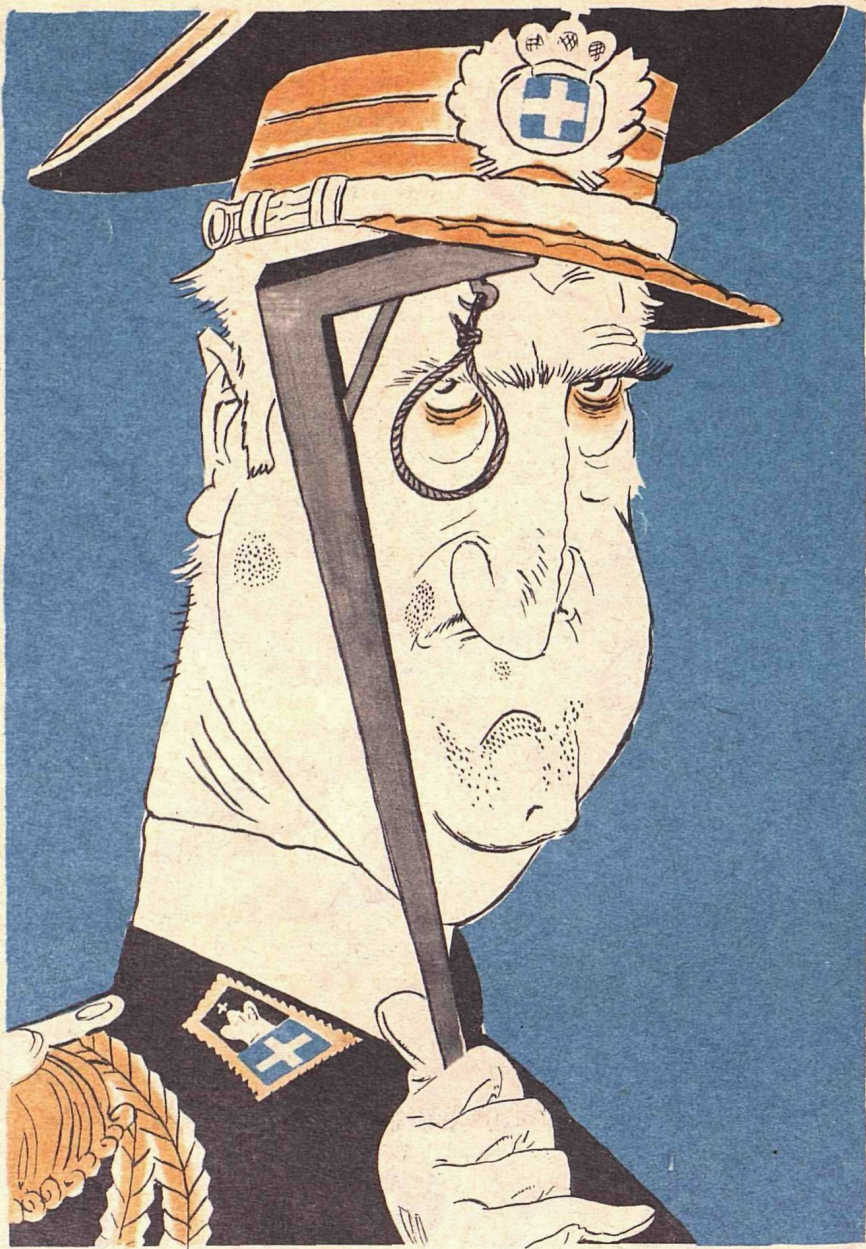

Рисунок В. ЖАРИНОВА

МОЯ РЕКЛАМА

Рисунок М. БИТНОГО

Афинский лорнет.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Помощь по-американски.

Рисунок

Когда американский новобранец Бобсон сошел с парохода во Вьетнаме, ему тут же представилась возможность поговорить с ветераном Джексонном, которому не терпелось ввести новичка в курс военной жизни.

— Запомни, парень, — начал Джексон. — Наша жизнь полностью отличается от мирной. У тебя наверняка есть привычка вечерами привольно шляться где заблагорассудится. Здесь же, только наступит темнота, дуй с улицы во весь опор. Иначе каюк. Партизаны ухлопают в два счета.

— Простите, сэр, — почтительно осведомился новобранец, — а к вам сюда доходят газеты с родины?

— Газеты, может, и доходят, сынок, да руки до них не доходят. Я уж и азбуку не до конца помню.

— О сэр, значит, вы не знаете, что мы дома тоже, чуть смеркнется, забываемся в дома и носу высунуть не смеем. Фантастический рост преступности. Побежишь в соседнюю аптеку за порошком от головной боли, а приползешь лечить огнестрельную рану. Даже в Вашингтоне люди вечерами опасаются ходить по слабо освещенным улицам и за милою обходят парки.

— Это ерунда, мальчик. В Штатах ты, небось, таскал с собой только зубочистку. Во Вьетнаме ты можешь забыть надеть рубашку, пояс, можешь вообще пойти в чем мать родила, но без пистолета — ни-ни.

— И это точь-в-точь как в Штатах, — отметил Бобсон. — Там сейчас все обзавелись оружием. Когда я уезжал, кое-кто уже прицелился к небольшим пушкам. Новизна

момента в том, что пулями начинают вести политические кампании. Додумались до простого открытия: зачем спорить, когда можно застрелить? Некоторые вообще утверждают, что все эти старые политические приемчики — дебаты, выборы, агитация — напрасная трата времени. Палить надо! Кто кого перепалит, тот и прошел на выборах. Согласитесь, в такой обстановке и рядовой американец должен иметь из чего жахнуть свое мнение. Взять мою невесту — нежная, поэтическая девушка, учится в консерватории, живет одной музыкой, а на улице без браунинга и пары кастетов не выходит. Говорит, иначе чувствует себя вроде как не одетой.

— А выскочить из подожженного дома ты сумеешь? — перебил ветеран. — Учти, здесь беспрерывно поджигают дома, где живут американцы. Так что придется тебе перебороть естественный взгляд на жилье, как на место отдыха и покоя. Жилье — это стартовая площадка для стрелка в любой миг.

— Ха! В США уже давно переборол этот естественный взгляд. Нынешней весной горели Вашингтон, Чикаго, Сан-Франциско и многие другие города. Каждый американец великолепно насобачился выскакивать из подожженного дома. Поистине нет в мире народа, лучше подготовленного по части выскакивания, чем наш.

— М-да, я вижу, что от скуки вы там, на родине, не умрете. Но вот взрывы тебе будут в новинку. Во Вьетнаме вокруг американских солдат все время взрывы, учти. Едешь на автомобиле — вдруг он, паршивец, начинает рулить к небесам. Мина была подложена! Оказался за го-

родом — из леса к тебе летит фугас. Зависки хлебнуть — из-за окна тебя уже топят гранатой. Словом, сплошное бах-бах-бах.

— Вот что значит жить вдали от родины — отстали от жизни! По части бах-бах-бах Штаты нынче не удивишь. Взрывов у нас — ной резинки. Ку-клукс-клан только и делает неугодных. Моего родственника подорвали в бинке для переодевания на пляже. Потом выяснилось, что его взорвали по ошибке, и ее вили, разнеся кого-то на куски в почтовом соседстве.

— Это-то мы слышали, но уж зато учти, что нюхаешь только на фронте. Дым, грохот, взрывы, садят отовсюду пулями, и ты мечешься в дыму, молишь бога, чтобы попался не в зационный люк, где можно спрятаться.

— Узнаю операции по поддержанию порядка с помощью армии у нас в Америке. Чуть чего затребовало, вышло на демонстрацию, лают на усмирение воинские части. Я как-то пал в такую операцию — носился именно, шая крыса. Еле спас шкуру, закопавшись в помойку.

— Так как же назвать все то, что происходит это зовется войной. А там что это?

— Как, сэр, неужели вы не знаете? Правильно это «Великим обществом». Неужели не

ТУТ ВОЙНА, А ТАМ...

Я ВЫИГРАЛ ПАРИ

Дело было так. Приятель пригласил меня на прослушивание новенькой «Спидолы». Три месяца он охотился за приемником и наконец «подстрелил».

Итак, сидим мы в наилучшем расположении духа, легким поворотом ручки переносимся из Бразавиля в Гонконг, из Анкары — в Токио.

Вдруг из «Спидолы» доносится: «Пленарное заседание Генеральной Ассамблеи продолжается. Ставлю на голосование резолюцию по вопросу о положении в Юго-Западной Африке».

Я так и замер: шутка ли, на Ассамблее хоть заочно побывать!

«Обсуждаем пункт шестой проекта резолюции», — говорит председатель и читает текст: «Генеральная Ассамблея заявляет, что продолжение колониального господства Южно-Африканской Республики в Юго-Западной Африке угрожает международному миру и безопасности и что практика апартеида, равно как и все формы расовой дискриминации, представляет собой преступление против человечества».

Берет слово делегат США: «Уважаемые господа делегаты! Всем известно, что Соединенные Штаты сами избавились когда-то от колониального господства чужестранцев. Мы понимаем, какое это зло, какие мучения и несчастья оно несет людям. США — страна, которая всегда была и будет верна идеалам свободы».

Приятель мой, конечно, все понял и говорит:

— Видишь, каким языком американец заговорил. После убийства Мартина Лютера Кинга и похода бедных негров в Вашингтон США поддержат резолюцию против ЮАР. Но я, человек, в политике искушенный, отвечаю:

— Не будут американцы против премьера ЮАР Форстера голосовать.

А приятель на своем настаивает. Опять про Мартина Лютера Кинга и поход бедноты повторяет. Я ему свое, он свое. Чтобы кончить спор, говорю:

— Вот я еду в отпуск через две недели. Если американец против Форстера не проголосует, я выиграл и ты «Спидолу» мне на месяц отдашь, а проиграю — я тебе свою кинокамеру на все лето. По рукам?

— Идет, — говорит приятель. В это время, слышим, председатель Генеральной Ассамблеи новый пункт резолюции читает:

«Генеральная Ассамблея просит все государство не предоставлять правительству Южно-Африканской Республики никакой помощи какого бы то ни было рода, пока

оно не откажется от своей политики расовой дискриминации и колониального господства в Юго-Западной Африке».

Опять американский дипломат слово взял, и мы услышали: «США решительно осуждают расизм, апартеид и преступления расового характера».

— Кинокамеру прошу зарядить цветной пленкой, — победоносно изрек мой приятель. — Подождем голосования, — пожал я плечами.

А когда председатель стал вызывать всех делегатов поименно для голосования, глава делегации США четко произнес:

«Делегация Соединенных Штатов Америки воздерживается».

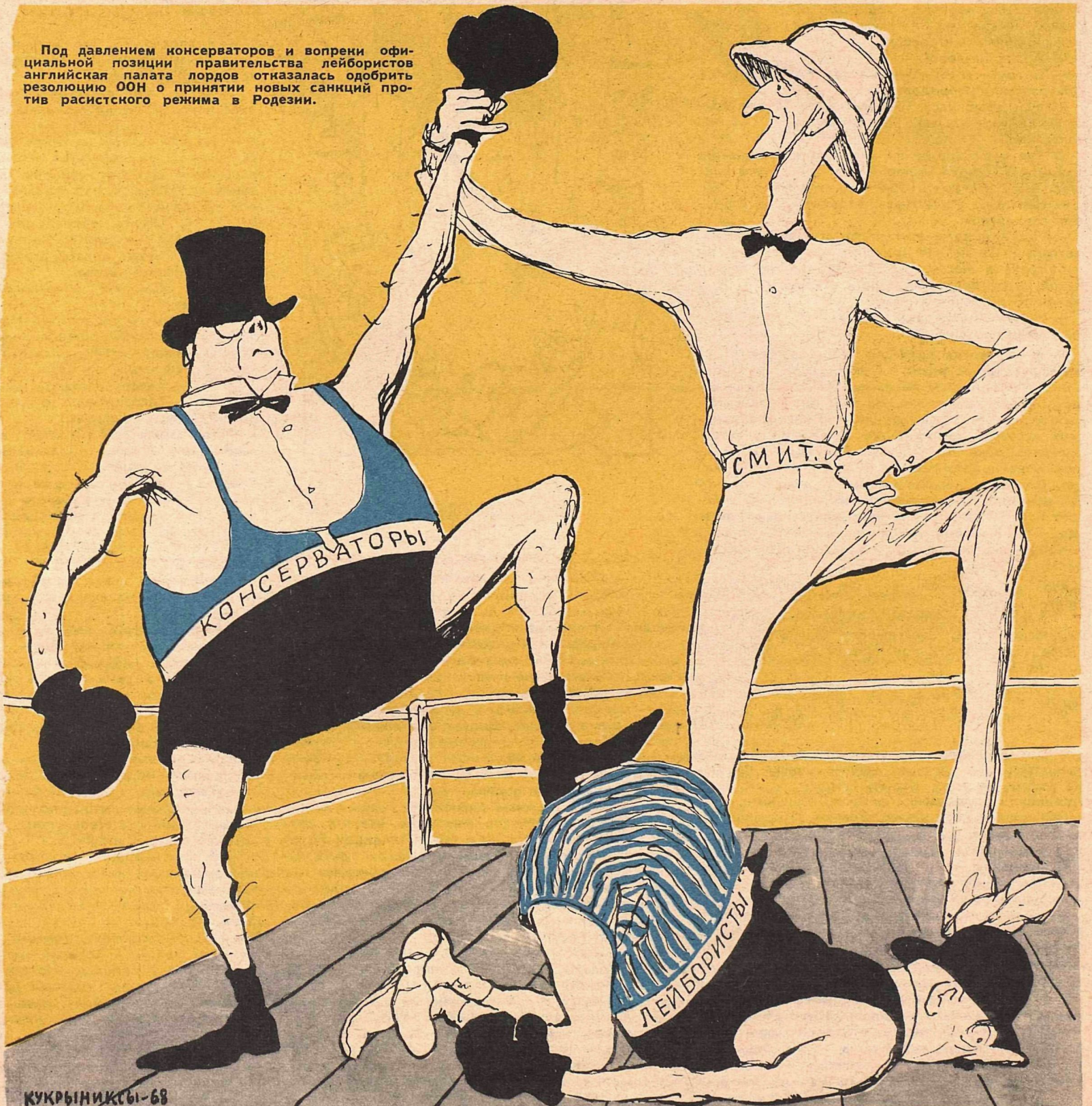
Глаза моего приятеля стали похожи на чайные блюдца.

— Как ты догадался? Это телепатия!

— Да очень просто. Не может быть, чтобы США, вложив миллиард в экономику ЮАР, стали голосовать против своего друга Форстера. Миллиард — и никакой телепатии! «Спидолу» свою получишь, через месяц.

Л. ТЕПЛОВ

Под давлением консерваторов и вопреки официальной позиции правительства лейбористов английская палата лордов отказалась одобрить резолюцию ООН о принятии новых санкций против расистского режима в Родезии.

КУКРЫНИКСЫ-68

ПОБЕДУ ОДЕРЖАЛ... СМИТ.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

В. АБРОЯНА

Заскочил в бар
пропятся обсу-
х!

ы, сэр. Как вы
Соединенные
что жеватель-
т, что взрыва-
али даже в ка-
правда, выяс-
тут же испра-
отделении по

нные бои — вот
от, валяются зда-
я, как обезуме-
кота бы канали-

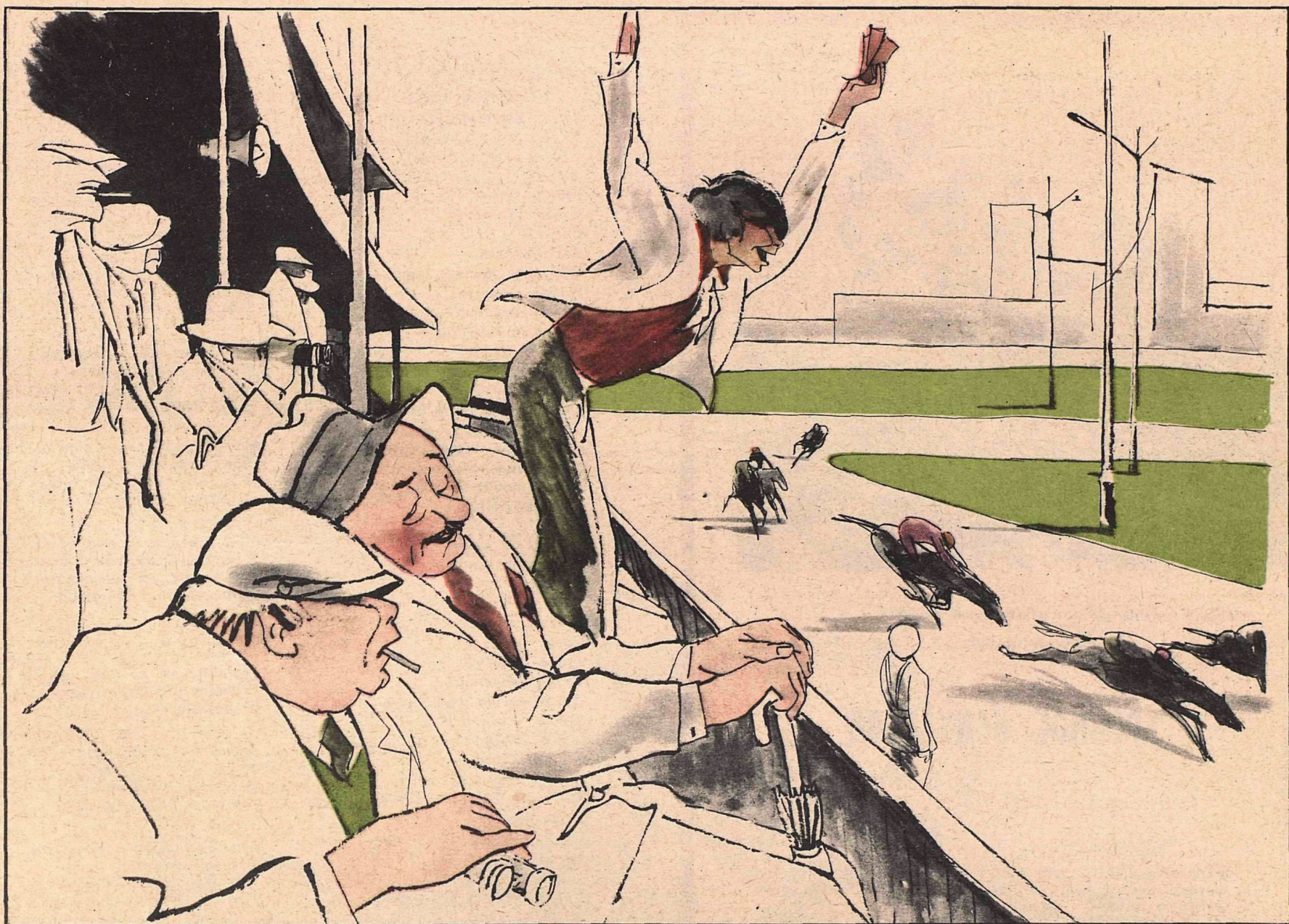
ядка в городах
где население
— сразу посы-
о случайно по-
как обезумев-
сь в глубокую

одит дома? Тут

ительство име-
е слышали?

А. ЮЗОВ

— Мой сынок совсем ребенок: еще в лошадки играет!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

МИМОХОДОМ

Объявление: «Требуются работники от пяти до семи пядей во лбу».

Некоторые развлекают крепкое вино так: льют воду на голову.

Утро обещало дождь, но весьма туманно.

Истины рождаются в спорах и умирают в склоках.

Всю жизнь подвизался в должности неисполняющего обязанности.

Самая дорогая дырка — в кармане.

В связи с жалобами на недovesы дирекция приняла полумеры.

Самообман — худшая форма самообслуживания.

Придя в новый коллектив, склочник подумал: «С кого начать?»

Из милицейского протокола: «Автор удара — Иванов».

А. ЛИГОВ

г. Новосибирск.

Практики-диалектики

Теоретики-диалектики давно установили определенную взаимосвязь между различными явлениями. Практики, среди которых хотелось бы назвать Фарадея, Ползунова, а также тов. Поршнева, управляющего трестом «Легпромстрой» Главного управления капитального строительства Министерства легкой промышленности РСФСР, и тов. Шапкина, начальника СМУ-1 этого же треста, успешно разработали типы этих самых связей. В частности, последние два практика обнаружили новые связи, таящиеся в известном треугольнике: план — штатное расписание — фонд заработной платы.

Не стоит выяснять, кому первому — Поршневу или Шапкину — пришла идея приписать к плану работ, выполненных СМУ-1, работы треста «Спецмонтаж» того же главка. Пусть они оба попадут в историю как близнецы-первооткрыватели, хотя бы как Бойль и Мариотт. Отметим лишь, что это случилось некоторое время назад, в веселый месяц май 1966 года.

Словом, под грохот майского грома к 158,4 тысячи рублей плана, выполненного СМУ-1, было приписано 661,7 тысячи рублей чужих работ. Возьмите грубые конторские счета и грубо прикиньте — получается 820 тысяч с небольшим.

Но вы помните: все в мире взаимосвязано. На основе этого положения СМУ сразу же завоевало право на перевод из третьей категории во вторую и на расширение штатов. Трест «Легпромстрой» тут же перевели, согласно той же диалектике, в первую категорию, а фонд заработной платы увеличили на 24 тысячи рублей.

Как и водится после освежающего ливня, штаты треста пошли в рост. К сорока работникам прибавилось еще двенадцать, и к концу июня на каждого двух исполнителей стало по одному начальнику. Это побивало лучшие отечественные и зарубежные показатели.

Результаты вдохновляли и звали. На метод Поршнева—Шапкина стали переходить другие СМУ. Вскоре появился и первый миллионер — начальник СМУ-7 тов. Шендеров. Он приписал к тощему плану своего СМУ сразу на два миллиона работ «Спецмонтажа», за что и получил премию.

Настало время со всей откровенностью заявить: статистика знает не все. Иначе тот факт, что ЦСУ РСФСР дважды учитывало одну и ту же работу — по отчетам «Спецмонтажа» и «Легпромстроя», — просто необъясним. Это обнаружили, позднее ревизоры Министерства финансов.

В Министерстве легкой промышленности оценили ситуацию как крайне тревожную. И скоро в Комитет народного контроля СССР полетел опережающий рапорт: виновные выявлены, премии взысканы...

Наступила оглушительная послеревизионная тишина. Когда осела архивная пыль, поднятая контролерами, стали видны не только отдельные работники, но и целые отделы.

Поршневу оказался на заслуженном отдыхе. Нет, не там, где вы думаете, а на пенсии. Бывший главный инженер треста «Легпромстрой» тов. Мазур ныне является главным инженером ремстройтреста Министерства электротехнической промышленности СССР. Рекордсмен Шендеров работает в СУ-173 Главмосстроя, где и зарплата повыше прежней и почета побольше. Бывший и. о. начальника «Главлегпромстроя» тов. Киселев, который распорядился выдать премию за приписки, ныне является главным инженером главка. И, конечно же, незаконно выданные премии не взысканы с их счастливых владельцев. И в этом нет ничего странного. По приказу нового управляющего трестом тов. Будко владельцы премий могут лишиться их, только.. подав в суд на себя. А это морально тяжело.

Дали только по Шапкину: он был снят в назидание колеблющимся и для подтверждения диалектического тезиса о связи между явлениями.

Устин МАЛАПАГИН

КРИТИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
КРИТИКА...

Литшутка

Критик я —
Я все раскрою.
Вдруг —
Вот новости! —
Не могу постичь героя
Новой повести...
Как работник
Всем пример он —
Положительно!
Но жене не слишком верен —
Унизительно!
Объявил войну он браку —
Замечательно!
Но в кафе затеял драку —
Отрицательно!
Очень любит он кино —
Одобрительно!
Но
Лакает он вино —
Подозрительно...
В дом к себе
забрал он тещу —
Восхитительно!
Сразу теща
Стала тоще —
Возмутительно!
Даже песню сочинил —
Умилительно!
В ней течет
У Сочи Нил —
Уморительно...
Он элита, он и гниль —
Поразительно!
Отрицательный он
Иль
Положительный?
В тупике кладу перо я,
И, по совести,
Черт подвунул мне героя
Этой поэзии!

Перевел с осетинского
Иван ЗАКОНОВ

г. Орджоникидзе.

Где же наши
Аполлоны?

Как-то летом в день воскресный
Посетил я парк культуры.
Тут среди зелени чудесной
Всюду высятся скульптуры.

Полюбуйся на искусство,
Вдохновляйся, будь поэтом!..
Но, увы, иные чувства
Зарождаются при этом.

Вот стоит на пьедестале
Физкультурница-девица.
Вряд ли б наши парни стали
Вкруг такой, вздыхая, виться.

Ноги — бревна, руки грубы.
(Вот попробуй полюби ты!)
И к тому же нос и губы
У девицы поотбиты.

Чуть правее, где куртина,
В шлеме гипсовом детина.
Не похож он на пилота,
А похож на Квазимодо.

Вот боксер с тщедушным телом,
Кривобокая доярка...
Охладев к фигурам белым,
Я решил уйти из парка.

Ошибусь, друзья, едва ли,
Я уверен: те скульптуры,
Вероятно, создавали
Мастера карикатуры.

Скверы, парки обойди ты,
Загляни на стадионы —
Где же наши Афродиты,
Где же наши Аполлоны?

Я хочу, чтоб всюду встали
Вместо гипсовой халтуры
На красивом пьедестале
Настоящие скульптуры!

г. Иваново.

Война и трупы остаются надеждой богачей.

Фотомонтаж Дж. ХАРТФИЛЬДА

ГРОЗНОЕ ИСКУССТВО

О Джоне Хартфильде, учителе и друге

Скончался Джон Хартфильд — основоположник искусства фотомонтажа, борец против фашизма и реакции. Он умер за рабочим столом с карандашом в руке.

В огне империалистической бойни 1914 года Хельмут Херцфельде, солдат немецкой армии, чтобы обойти военную цензуру, посылал друзьям в тыл письма, склеенные из журнальных фотографий. Он понял, какая памфлетная сила заключена в этих неожиданных совмещениях одного документального кадра с другим.

Так родился политический фотомонтаж.

В знак протеста против немецкого шовинизма Хельмут Херцфельде взял псевдоним — английские имя и фамилию Джон Хартфильд.

Это был смелый вызов германской военщине.

Имя его стало всемирно известным. Антивоенные и антифашистские монтажи Хартфильда остаются и по сей день классикой памфлетного искусства.

Фашизм захватил власть в Германии. Наступили тяжелые годы эмиграции. Вера в победу помогала Хартфильду вести свою войну. В Вене, в Праге, в Париже, в Лондоне печатались его новые гневные фотомонтажи.

Коммунист Хартфильд смело и талантливо срывал маски с врагов человечества. Популярность его работ огромна. В странах, где народ борется за свободу, в странах, где революция победила, Хартфильда знают как верного друга и принципиального борца.

Мы познакомились в Москве в 1957 году. Встреча с «заочным учителем» была для меня большой радостью.

Он предложил устроить совместную выставку в Берлине в 1961 году в связи с его 70-летием. В ней участвовали Хартфильд, Антонин Пельц из Праги, Мечислав Берман из Варшавы и я.

Выставка называлась «В борьбе едины».

Десять дней в Берлине сдружили нас. Хартфильд поразил меня неистовым темпераментом, ясностью мысли, большим запасом юмора, человеческим обаянием и обширными творческими планами.

Профессор, академик, 77-летний Джон Хартфильд был всегда молодым. С трудом верится, что его больше нет с нами.

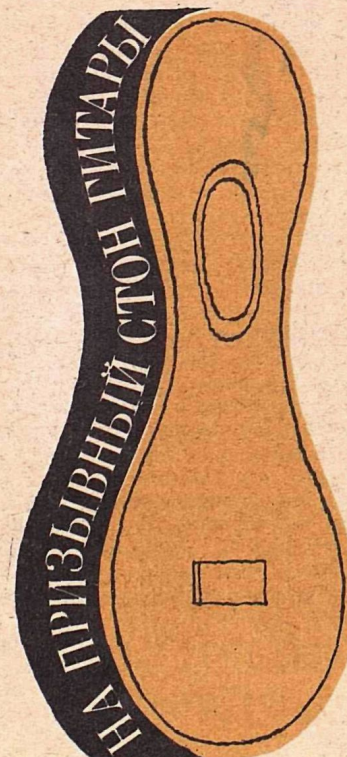
* * *

Хартфильд говорил: «Я хотел бы, чтобы мои работы принадлежали прошлому. К сожалению, многое злободневно и сейчас...»

Хочу добавить: пока жив капитализм, пока действуют проповедники войны, пока не добит окончательно фашизм, монтажи Джона Хартфильда будут нашим грозным и нержавеющей оружием.

Александр ЖИТОМИРСКИЙ

ТАЛАНИТЬСЯ

Чудаки эти поэты! Сочиняют, фантазируют, а что сочиняют, и сами не знают. Потому что на жизнь не опираются. Фактов не ведают. Не вникают в суть.

Вот один из них еще сто лет назад такое предложение внес:

Поговори хоть ты со мной,
Душка семиструнная...

Это он гитаре намек делал. Не с кем ему душу отвести, так он с ней погугарить решил.

А другой так еще хлестче высказался:

Гаснут дальней Альпухары
Золотистые края...
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!

А какой может быть звон, если у этой гитары струн нету? И купить их негде. Конечно, если не купить, можно бы попытаться достать. И достать негде. Конечно, если плюнуть на все десять заповедей (была не была!), можно бы украсть. Но, хотите верить, хотите не верить, и украсть негде.

Может быть, в те далекие времена, когда поэт сочинял такие красивые стихи, в Альпухарторге и продавались

— Пьесу принесли? — уныло спросил завлит.

Драматург презрительно сощурился.

— Пьеса — это старо! Пьесы писал еще старик Аристофан.

— А что же у вас? — любопытно спросил режиссер.

— Полупьеса.

— Что?!

— Полупьеса.

— Полупьеса?! О, это кажется, что-то новенькое.

— Старья, извините за выражение, не держим. Значит, так, раздвигается занавес...

— Занавес — это блеск! — захопал в ладоши режиссер. — У всех постановки без занавеса, а у нас стиль модерн. Только не старинный, плюшевый, а пластмассовый. Пластмассы в массы!.. Начало многообещающее, рассказывайте дальше. Кстати, почему ваша пьеса названа полупьесой?

— Теперь в пьесах, как правило, два акта, а у меня в два раза меньше — один.

— Одноактная пьеса — это не

ПОЛУПЬЕСА

ново, — разочарованно вздохнул завлит.

— Не торопитесь, друзья, не торопитесь. Акт акту рознь. В моей полупьесе акт необычный.

— А какой? — хором воскликнули заинтригованные собеседники.

— Акт о приеме полупьесы к постановке. Только не простой, а театрализованный. Понимаете, на сцену выходит актер, играющий роль драматурга, и второй актер — директор театра. Оба они выразительно зачитывают первые пункты: «Составлен настоящий договор между театром в лице такого-то, именуемого в дальнейшем «Заказчик», и драматургом таким-то, именуемым в дальнейшем «Автор», первый принял, а второй сдал полупьесу под названием «Договор на полупьесу»...

Далее ряд не менее волнитель-

ных эпизодов, в которых разыгрываются и художественно обобщаются остальные пункты Договора. Например, пункт о том, что все споры разрешаются в судебном порядке, зачитывает судья. Элемент столь любимого зрителями юмора вносит заика юристконсульт, разъясняющий права и обязанности Автора и Заказчика.

Кульминацией спектакля является сцена банкета в ресторане, устроенного Автором по случаю подписания Договора. Джаз в белых фраках, каскад современных танцев, выступление эстрадной певицы и фейерверк... Огни, огни, огни...

Драматург искоса бросил взгляд на завлиту и режиссера. Их одухотворенные лица молитвенно светились.

— Наконец-то, — шептали они, — наконец-то мы получили нечто новое, свежее, самобытное...

Ц. МЕЛАМЕД

г. Рига

Игорь МИХАЙЛОВ

ДАРОВАНИЕ

Ему хвалу слагают
собратья-графоманы,
и он упрямо пишет
пудовые романы.
Пусть пишет он безграмотно,
пусть пишет он бездарно,
зато он обладает
терпением легендарным,
в сраженьях с консультантами
завидным блещет опытом,
в бездушии,
заснайте
всех обвиняет оптом...
Немногого он просит:
пусть Шолохов или Федин,
свою работу бросив,
ведут его к победе!

г. Ленинград

— В следующий раз бери «Двенадцать разгневанных мужчин»!

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

И ПОКЛОНИМЬСЯ

эти самые струны. А теперь наш родной Посылторг даже специальное трафаретное письмо-ответ заготовил. А в ответе этом очень интеллигентно сказано:

«Уважаемый товарищ!

На Ваше письмо сообщаем, что запрашиваемого Вами товара Центральной торговой базы Посылторга в наличии не имеет, и поступление его на базу в ближайшее время не ожидается.

В связи с этим удовлетворить Вашу просьбу, к сожалению, не имеем возможности.

ЦТБ Посылторга
Исполнитель (подпись неразборчива)».

Это и есть ответ по поводу струн. Правда, в преискуранте-перечне товаров, коими Посылторг любезно снабжает заочных покупателей, струны числятся. Но преискурант струны не заменит. Его сколько пальцем ни дергай — музыки не жди.

А со струнами дело обстоит, деликатно выражаясь, неважно.

Струны нужны разные: для скрипок и виолончелей, для гитар и мандолин, для арф и балалаек. Любителей музыки в стране уйма, и растет их чис-

ло в радостных темпах. А сколько школ, музыкальных училищ и, наконец, музыкальных учреждений высшего класса — консерваторий, филармоний, музыкальных театров! И всем нужны струны.

Конечно, солидные учреждения на Посылторг не рассчитывают. Они даже не рассчитывают на различные ведомства, которые промеж прочих дел и производством струн управляют. Не рассчитывают, потому что риск слишком велик.

Большой театр, например, сам себе струны производит, так как маленькие лебеди танцевать свой знаменитый танец под звуки геликона решительно отказываются.

Всероссийское хоровое общество по силе возможности само себе струны делает: не может это общество все время «а капелла» петь, — аккомпанемент ему нужен.

Все же остальные потребители общественного и индивидуального профиля уповают на производственную мощь и энтузиазм Московской фабрички музыкальных инструментов, Ленинградской фабрики имени Луначарского, Черниговской фабрики и Полтавского мясокомбината, выпускающего жильные струны.

И получается такая картина: энтузиазм есть, а мощи нет даже и признаков. Не будем утомлять никого цифирью, но скажем с полной откровенностью, что при многомиллионной потребности в единицах струн половину этих миллионов не выпускают и даже не планируют. И не могут изготовители с этим справиться. По ряду причин:

с сырьем обижают, а сырье нужно качественное;

оборудование — ветхозаветное;

опытные мастера решительно приближаются к пенсии, а молодежь ничем не прельстишь: кому охота идти в полукустарную фабричку, когда вокруг гиганты заводы приглашают и на работу и в ученичество и сулят все блага — от собственного стадиона до яслей с последующим переходом младенцев в детсад.

Струны надо бы выпускать не только аккордами, а так сказать, «в розницу» (первые и третьи скорее выбывают из строя и требуют замены), но опять же счет в основном идет на аккорды.

Никем производство струн не координируется. И поскольку стоимость одной струны — одна копейка,

может быть, и относятся к этому, как к делу копейчному, хотя вот почтовый конверт тоже копейку стоит, а никто ведь не мучается над проблемой, где его раздобыть.

Так вот, не пора ли соответствующим высоким учреждениям, ведающим культурой и торговлей, услышать призывный стон гитары и подумывать о том, чтобы, оставив позади мануфактурный период производства, организовать большое, современно оборудованное предприятие, которое радикально решит эту задачу?

Чтобы музыкальные училища жили спокойно, театры снабжались бесперебойно и даже молодые идалго-одиночки, стоя под балконами крупнопанельных домов в Новосибирске, Орше, Кутаиси или Нарьян-Маре, с полной ответственностью призвали чернооких красавиц:

...На призывный звон гитары
Выйди, милая моя! —

вслед за чем последние, выпорхнув на балкон, прижимали бы пальчик к губам, что на всех языках мира означает:

«Тсс, не так громко, мама на кухне и все слышит!»

Бор. ЮДИН

В намеру чинагской полиции вталкивают двоих.
— Вы по какому делу оказались здесь? — спрашивает один.
— Я ограбил банк и убил человека. А вы?
— Я участвовал в манифестации против войны во Вьетнаме.
— Жаль мне тебя, парень, плохо твое дело...

У члена городского управления спрашивают:
— А как у вас теперь с дорогами?
— Великолепно. Плохих у нас нет.
— Это, по-видимому, обошлось вам дорого?
— Напротив, не стоило ни цента. Просто плохие мы называем теперь не дорогами, а объездами.

Продавщица цветов — молодому человеку:
— Пусть цветы говорят за вас: преподнесите ей букет роз.
— Дайте мне одну гвоздику. Я буду лаконичен.

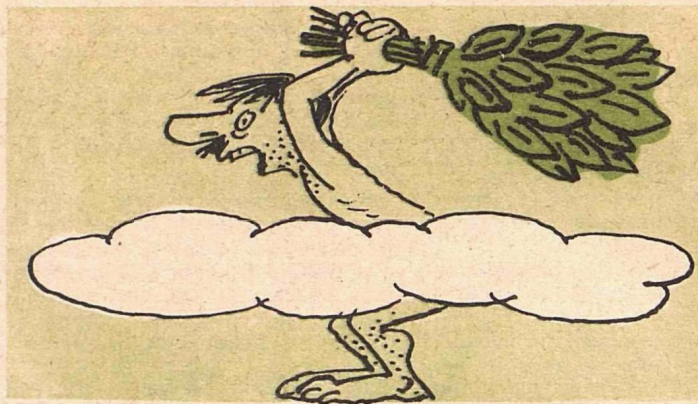
— Вы знаете, — тихо говорит хозяин дома гостям в то время, как его жена терзает рояль, — раньше Барбара очень много музицировала, но с тех пор, как появились дети, у нее остается совсем мало времени для музыки.
— Да, что и говорить, дети — это большое счастье!

Разговор двух подруг:
— Вчера в гостях я встретила своего бывшего мужа.
— Ну и что же?
— Я никогда не подозревала, что он такой приятный собеседник.

В узком переулке Лондона останавливаются два автомобиля, ехавшие друг другу навстречу. Ни тот, ни другой шофер не желает уступить дорогу.
Шофер первой машины вытаскивает газету «Таймс» и начинает читать. Через час другой шофер вежливо обращается к нему:
— Когда вы дочитаете, прошу одолжить газету мне.

Ученый очень долго объяснял своей знакомой принцип устройства подводного телеграфного кабеля.
— Я все поняла, — наконец сказала она, — кроме одной детали: почему телеграммы из Европы приходят в Америку сухими?

Южновьетнамские власти проводили очередную облаву на молодежь с целью принудительной вербовки в маррионеточную армию. В одном хлеву полицейские нашли старого деда, который прятался от облавы.
— А ты чего сюда залез? — удивился полицейский. — Кому ты нужен, такой старый?
— А кто вас знает? — огрызнулся старик. — Может, у вас и генералов не хватает...

ГОСТЕПРИИМНЫЙ ПРЕННЕЛ

Март Вярк держал ответ перед товарищеским судом за пятнадцатидневный прогул.

— Так-с, — ядовито произнес председатель суда. Его душа стремилась на футбольный матч. — Вы, значит, ходили в баню... Интересно, в нашем городе пока еще никто не стоял в очереди в баню больше двух дней... А вы сразу пять! Видимо, ходили подряд несколько раз, не так ли?

— Я не в городе... Я в деревне... Там ходил в баню, — стыдливо пробормотал подсудимый.

— И в таком месте, куда автобус ходит только раз в неделю, не так ли? — в тон председателю иронически заметил член суда конюх Нонн. — Прошу все же пояснее!

— Как вам угодно... Во вторник я решил пораньше уйти с работы, чтобы попасть в баню. По вторникам очередь, как вы знаете, самая короткая. На улице встретился с Тайги Тааветом, знакомым лесником. «Ты идешь в городскую баню? — вытаращил он глаза. — Ты там еще больше испачкаешься... Поедем лучше ко мне. У нас построили новую баню. С утра до вечера под паром. Главный лесничий Преннел от этой бани с ума сошел, закрыл свою канцелярию. Так что, если хочешь получить от него какую-нибудь подпись, направляйся прямо в баню. А кого он поймает, того на полók тащит. Народ уже боится даже мимо проходить. Из-за непомерной парки лесничий потерял за неделю в весе целых восемнадцать килограммов. Поедем, вечером с автобусом вернешься обратно в город. Не пожалейте!» Так он мне говорил...

Баня у них оказалась действительно прекрасная. Смолистые бревна пахли, словно новая рыбацкая лодка. Лесничий Преннел сидел в одних подштанниках в предбаннике и очень напоминал размоченный скелет. Он уже никого не узнавал, даже своих собственных детей. В этот день он парился восьмой раз... Мы с Тааветом тоже не давали венникам покоя, было так жарко, что запахло гарью. Даже страшно стало. Тогда Таавет принес со двора большой комок льда, и мы сели на него.

— Скажи, в этой бане с потолка не капает? — спросил председатель суда.

— Нет, не капает.
— Значит, хорошо построена. Когда потолок холодный, то начинает капать. Продолжай!

— Парились, парились, а потом во двор, в снег. Как было хорошо, черт побери!

— Хе-хе-хе, — засмеялся председатель, — а затем, как молния, обратно на полók, иначе захвораешь. Впрочем, я предпочитаю прыгать в реку или озеро: вода лучше очищает, чем снег. После такой бани неплохо рюмочку выпить, тогда и насморка не будет, не так ли?

Лицо подсудимого просияло.
— Так, так. Мы тоже выпили, закусили горячими щами. Потом Таавет принес пиво. Третий член суда, бухгалтер Плехветер, все время тайком читал книгу, лежавшую в полуоткрытом ящике стола. Но и он поднял наконец голову и заметил:

— Пива следовало бы попить еще в бане. Просто божественно! А вы пивом пара не поддавали?

— Нет, не поддавали.
— Ну и дураки! — Бухгалтер оживился: — В следующий раз обязательно попробуйте! Много не надо, полкружки достаточно.

— Товарищи, — прервал председатель, — мы отклонились от темы.

Бухгалтер снова уткнулся в книгу.
— На следующее утро, когда я у лесничества ожидал автобуса, пришел Преннел, обнял меня и сказал: «Никуда ты, дорогой, не поедешь, пока не увидишь нашу новую баню». Я ему в ответ, что уже видел и даже парился, разве он не помнит?.. Он не помнил, и все. Около полудня приехал председатель колхоза с бутылкой белого и бочкой пива. Потом пришел еще ветеринарный врач, мастер маслозавода, председатель кооператива, учитель... На следующее утро я был, как вяленый, хотел поскорее обратно в город поехать, но помню, что лесничий никого не отпускал: ему надо было свинью зарезать.

— Свинью зарезать? — вздрогнул конюх Нонн. — Большая была свинья?

— Около двенадцати пудов, — продолжал Март Вярк. — Было еще темно, когда я отправился к Преннелу. Вода для ошпаривания уже кипела. Лесничий так похудел, что, когда сидел перед горячей печкой, казалось, прямо просвечивал... Между прочим, они, когда снимают щетину, поливают свинью кипятком. Но куда удобнее это делать с помощью большого корыта. Заполнишь его горячей водой — и туда свинью. А некоторые снимают с помощью огнемета.

— Постой, постой, — остановил его конюх, — давай все по порядку. Как вы ее из свинарника? Свинью-то. Я видел, иногда привязывают ремень или веревку к ноге и тащат. Это нехорошо, животное беспокоится. Лучше всего взять какую-нибудь доску и с ее помощью вытеснить свинью из свинарника.

— Так мы и поступили.
— Во-во. А закололи где? Я слышал, в Ляэнемаа, например, поднимают свинью на забор, чтобы кровь лучше вышла, а для этого приходится звать на помощь всю деревню.

— Нет, мы кололи на земле.
Подсудимый рассказывал долго и подробно, как они зарезали свинью. Председатель несколько раз поглядывал на часы, но потом, убедившись, что на футбол ему все равно не успеть, успокоился. Конюх Нонн вел допрос с большим интересом и знанием дела. Член суда Плехветер дошел в книге до кульминационного момента и поэтому уже ничего не слышал.
— Так-с, — сказал председатель. — Дело кажется довольно-таки ясным. У кого еще вопросы?

— У меня есть вопросы, — сказал конюх. — Во-первых, получили ли вы, участники резания, свежей свинины, и если получили, то сколько? И, во-вторых, поджарила ли хозяйка для вас печень?

— Да, свинины дали каждому около килограмма.

— Во-оо, верно! — одобрительно кивнул Нонн. — С давних пор существует традиция — давать участникам по три фунта свинины, а тот, который колет, обычно получает еще хвост. Я считаю, что это лишнее, хвост можно оставить для хозяина.

— Хвост нам не предлагали, а печень все же поджарили.

— С луком?

— Да, с луком. В соусе с кубиками нежирной свинины.

— У меня еще один вопрос, — сказал конюх. — Что вам подали к печени?

Бухгалтер поднял голову.
— Немного водки. А пива вдоволь.

— Мне завтра тоже придется резать свинью, — заметил конюх. — Думаю, что одного пива достаточно. Пятьдесят литров. Позавчера положил дрожжи, будет крепкое.

— У тебя есть пиво? — подпрыгнул председатель. — Почему же сразу не сказал? Вот, дьявол, надо же попробовать.

— Пойдем попробуем, — согласился Нонн. Председатель и конюх устремились к двери. Бухгалтер Плехветер сначала колебался, а потом, решительно закрыв ящик с книгой, побежал за ними.

— Постойте, постойте, — закричал подсудимый, — а я?

— Ах, ты? — спросил Нонн от двери. — Ты тоже иди с нами!

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали:
В. Аброян, Ю. Андреев,
М. Битный, М. Вайсборд,
А. Грунин, В. Жаринов,
С. Кузьмин, Вукрынинсы,
Н. Станиловский, Ю. Степанов,
И. Сычев, Е. Шабельник,
В. Шкарбан.

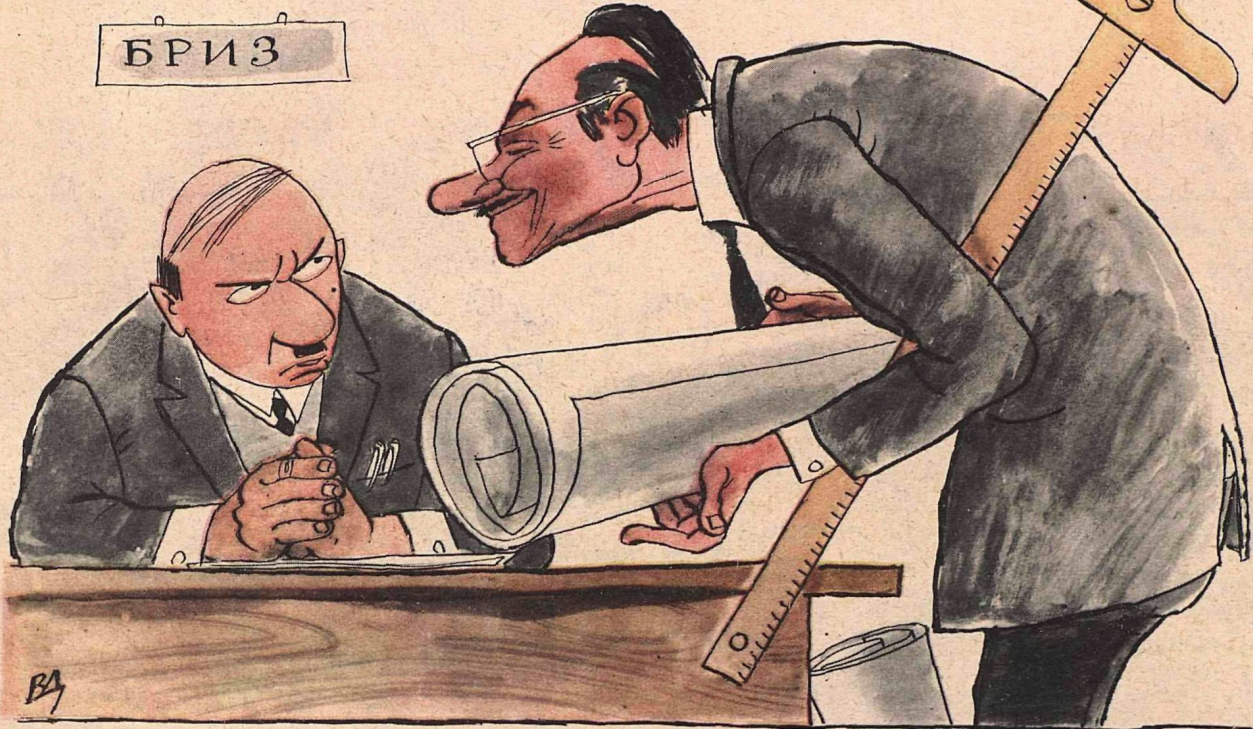

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

— Ну, что вы там изобрели?
— Не я, а мы вместе с вами...

Вы нам писали...

«КРОКОДИЛ» В ОПАЛЕ

В поселке Кабардинка, Краснодарского края, выпускается стенная газета «Крокодил идет по поселку». Однажды местный «Крокодил» заглянул в ресторан «Южный», и вот что он там увидел.

В грязном пищеблоне сидели несколько работников ресторана и пьянствовали. А в промежутках между стопками закивали в сумки мясо. Когда незваный гость напомнил им, что воровать, мол, нехорошо, они, краснея не от стыда, а от выпитого спиртного, заявили: «Это не мясо, а так, рожки да ножки, отходы, одним словом».

Стенной «Крокодил» поверил, естественно, не им, а своим глазам и напечатал сатирическую заметку.

Герои заметки, немедленно протрезвев, решили во что бы то ни стало счистить пятна со своего мундира. Темной ночью стенной «Крокодил» исчез. Даже рожки и ножки от него не осталось. Но похитители ресторанного мяса и «Крокодила» на этом не успокоились. Они пустили слезу: «Мы ни за что ни про что униженные и оскорбленные».

У них нашелся покровитель. Геленд-

жиская городская газета «Прибой» поместила статью «Тени над рестораном». Статья была не только пространной, но и весьма странной. То, что ее автор И. Горбачев не сумел разобраться в существе дела, было ясно из его вкравшихся в статью полупризнаний. Цитируем: «Истину сегодня установить невозможно...», «Так ли было или несколько по-иному — установить сейчас опять-таки трудно...» Ну, раз трудно и невозможно, зачем же, спрашивается, было браться за перо? Оказывается, И. Горбачев сделал это затем, чтобы обвинить редколлегия стенного «Крокодила» в «огульном охаивании» честных тружеников ресторана.

Стенной «Крокодил» обратился за помощью к своему всесоюзному коллеге. Мы попросили Краснодарский крайком партии помочь И. Горбачеву обрести истину, а заодно и логику. Просьба была выполнена. В городской газете появилось опровержение статьи И. Горбачева:

«Признавая ошибку, редакция газеты «Прибой» считает своей важной задачей впредь активно поддерживать стенные газеты в развертывании принципиальной и здоровой критики недостатков».

Вот теперь все на месте: и истина и логика.

«Присутствуя на спектакле, о котором идет речь, мы пока чувствуем не только, сколько пота стоил он участникам, но и то, что пота пролито еще мало».

«Восточно-Сибирская правда».

г. Иркутск.

«Труженики цеха № 2 были поздравлены большим панно и руководителями цеха на рабочих местах».

Многотиражная газета «Ленинец».

г. Армавир.

Комбинат искусственной подошвы.

«Эта линия и легла в сюжетную канаву кинофильма».

«Говорит Душанбе».

«Вторым финалистом стали спортсмены машиностроительного завода, которые в полуфинальной игре на своем поле уверенно проиграли сопернику, забив четыре сухих мяча».

«Маяк коммунизма».

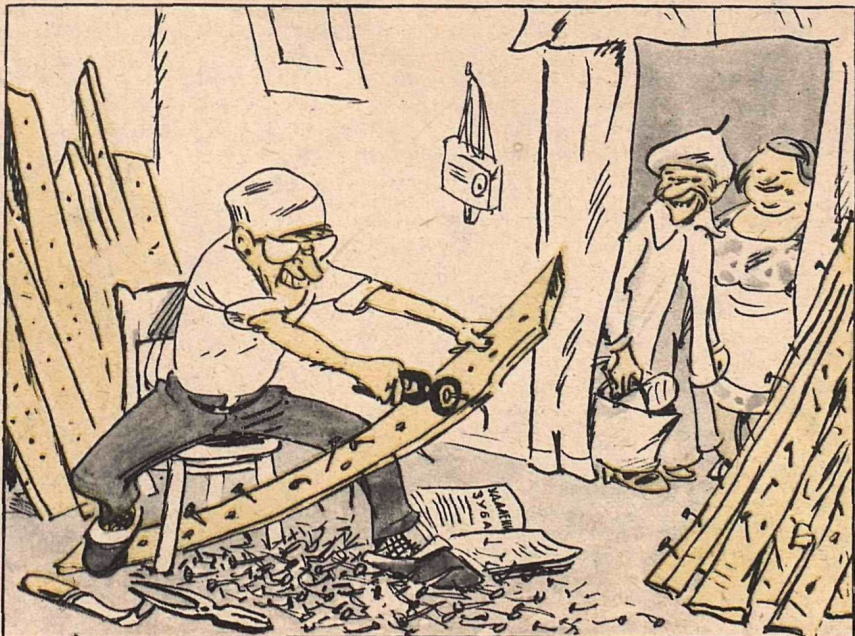
г. Торжок.

«И вот мы уже стоим с чемоданами на фронтоне главного подъезда «Приморского», прощаемся».

Через несколько минут беломраморные «Волги» мчали нас на аэродром в Адлер».

Многотиражная газета «Ленинское знамя».

Завод «Акрихин», Московская область.

— Уж очень ему хочется на зубного-то выучиться!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

5 0-10-86
5 3 34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

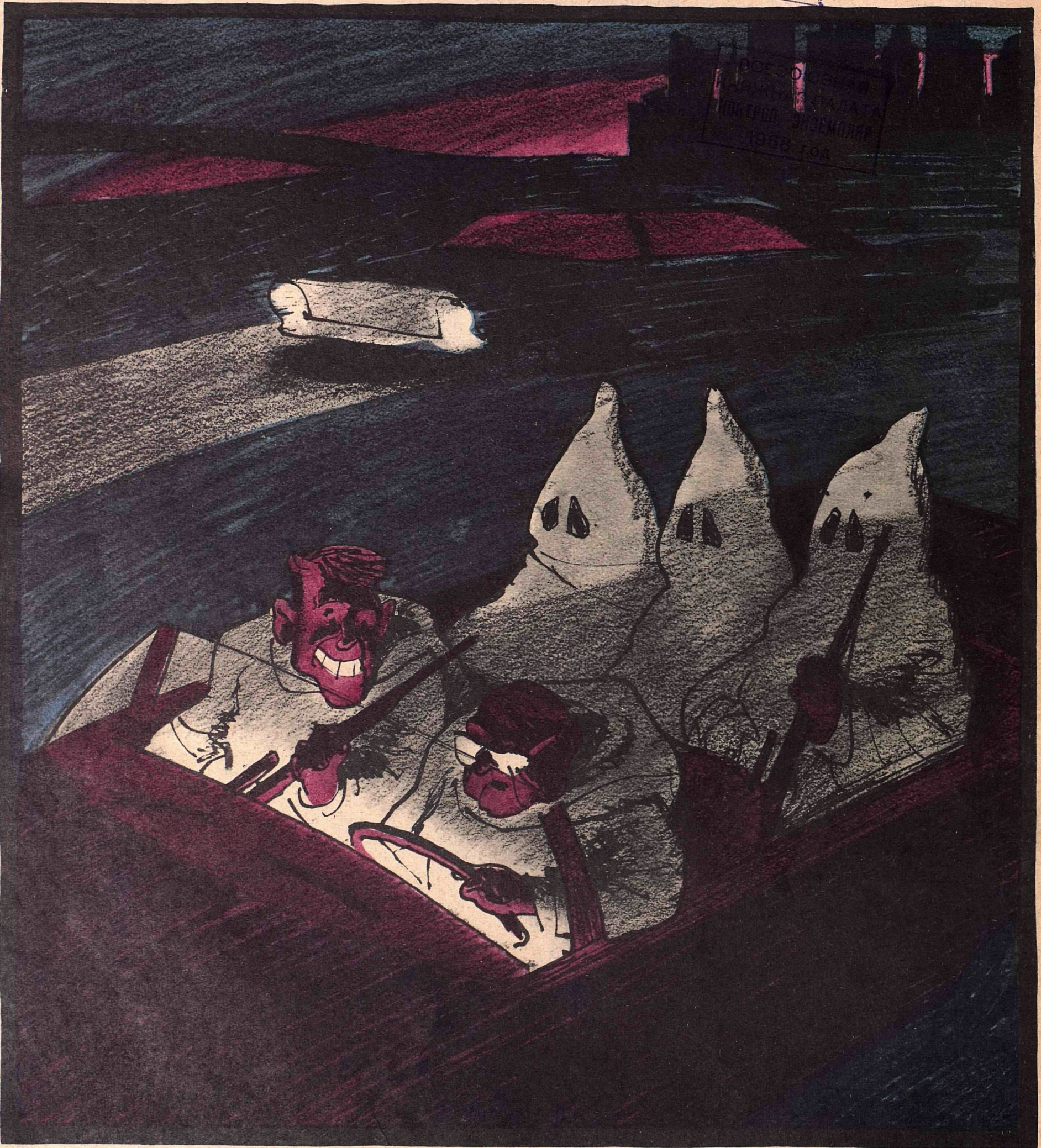
А 00136.
Подписано к печати
8/VII 1968 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 900 000 экз.
(1 завод: 1—4 130 450).
Изд. № 773.
Заказ № 1972.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

9 ИЮЛ 1968

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛ. ЭКЗЕМПЛЯР
1968 год

84874 M

— А ты из какого штата?
— Я из Англии. Стажировку у вас прохожу.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА